

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

РЕМЕСЛО НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Власть над миром — не то, чем она кажется

Настоящая фантастика (Снежный ком)

Игорь Вереснев

Ремесло Небожителей

«Снежный Ком»

2019

Вереснев И.

Ремесло Небожителей / И. Вереснев — «Снежный Ком»,
2019 — (Настоящая фантастика (Снежный ком))

Это – стимпанк плюс НФ. Это – дворцовые интриги и поиски тайных знаний, поединки на шпагах и воздушные сражения. Мир, в котором можно жить вечно, всегда оставаясь молодым, а можно состариться за час. Мир, в котором тысячу лет длится противостояние Светлых Богов и Небожителей. Мир, созданный за одну ночь... Это – история о беззаветной доблести и расчетливой алчности, о верности и коварстве, о первой любви и предательстве. Ученику горшечника Траю Горнику, командующему княжьей стражи Барису Бед-Дуару, дочери рыбака Эдали Волич предстоит узнать, кто и зачем создал их мир. А затем – распорядиться этими знаниями.

Содержание

Часть I. Наземье	5
Глава 1. Трай	12
Глава 2. Бед-Дуар	19
Глава 3. Ламавин	23
Глава 4. Ардис	29
Глава 5. Мена	36
Глава 6. Великая княгиня	43
Глава 7. Тайна	48
Глава 8. Дорога	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Вереснев

Ремесло Небожителей

Часть I. Наземье

Прелюдия, 899 г. Эры Небожителей

Адмирал Веттрайя, володарь Милакии, Северный король, махараджа Весура и Гунга, султан Панджвур, шахиншах Аштвая, императорский регент Лунных Пределов стоял у панорамного окна, полукругом охватывающего капитанский мостик, смотрел, ждал. Молчал. Ему было неуютно на просторном мостике «Грозы мира», флагмана армады, лучшего дирижабля, когда-либо построенного в Наземье. Не из-за людей, что толпились за его спиной, – из-за собственных титулов, собранных за неполные три года. Они казались такими значительными прежде. За ними была держава, раскинувшаяся от Восточного океана до Западного, от льдов полюса до южных пустынь. Почти весь мир, населённый людьми. И последний неподвластный ему клочок этого мира, Великое княжество Тарусия, сейчас проплывал внизу. Хватило бы дня, чтобы завоевать и его. Да что там дня – часа! Иной армии, кроме той, что собрал Веттрайя из разбойников, убийц и прочего отребья, приговорённого Небесами, в мире не существовало. Добропорядочные граждане слишком трусливы, чтобы рисковать жизнью.

Все титулы адмирала Веттрайи не значили ровным счётом ничего. Небесный Город не желал признавать их. Для Небожителей он – никто. Меньше, чем никто, смертник, «огрызок», лишённый права на меню. И значит, ему остаётся либо умереть, либо...

– Ваше величество, может, не стоит торопиться? – подал голос советник Коэно, единственный меняный в свите. – Мы продемонстрировали им свою мощь. Наверняка они не ожидали увидеть столько судов, они примут наши условия. Дадим им больше времени на раздумье...

– Больше времени?! – взревел Картош, старший бомбардир армады. – Ты предлагаешь отступить, пиявка? И что дальше? Ресурс батарей скоро иссякнет, а новые, сам знаешь, небесные уроды продавать не хотят. У нас восемьдесят шесть боевых дирижаблей, три сотни аэропланов. Если вернёмся через год, сможем собрать едва ли треть нынешнего, через пять лет – ничего не останется! Твои умники ни батареи, ни эфирный газ делать так и не научились. И не научатся!

Веттрайя невесело усмехнулся. Пять лет, эх загнул! Батареи, газ – спустя пять лет всё это потеряет значимость. Да, меняные трусливы. Пока уверены в мене. Но когда обнаружат, что обречены умирать от старости как последние безудачники, станут ли терпеть своего «володаря»? А его собственная армия? Эти подонки ведь тоже рассчитывают на новую молодость и бесконечные мены. Нет, давать Небожителям отсрочку он не собирался. Если за без малого тысячу лет они разучились торопиться – их беда!

Внезапно ожил радиотелеграф. Разговоры на мостике смолкли, Веттрайя повернулся к аппарату.

– Что там? – поторопил телеграфиста.

Безусый парнишка – вчерашний школяр из Геннебергского университета – опасливо посмотрел на адмирала.

– Это от великого князя...

– Читай!

– «Уважаемый брат наш, Володарь! Настоятельно просим Вас незамедлительно увести флот из воздушного пространства Великого Княжества. Иначе Мы вынуждены будем просить о защите и покровительстве Небесный Город...»

– Мерзавец меняный! – выругался Картош. – Сбросить на него десяток фугасов, чтоб от его вонючего городишки один пепел остался, да и посмотреть, как Небеса его защитят. Вот это будет настоящая демонстрация нашей мощи!

Мнение бомбардира разделяли почти все, кто стоял на мостике. Вопросительные взгляды скрестились на Веттрайе. Что ж, предложение Картоша выполнить проще простого – «Гроза мира» висел точно над Цитаделью Княжграда.

Веттрайя отрицательно качнул головой. Да, он мог бы уничтожить Княжград, как перед этим мог уничтожить столицы всех завоёванных стран, стереть с лица земли города, а поля завалить трупами. И потерпел бы поражение, как все завоеватели древности. Потому что там, где начинается смерть, заканчивается страх смерти. Власть Веттрайи держалась на страхе смерти, как и власть Небожителей. Разница в том, что они знали тайну мены, а Веттрайя – нет. Поэтому у Небожителей в запасе вечность, а у него – лишь сегодня.

– Что-то ещё? – спросил он телеграфиста.

Паренёк отрицательно покачал головой.

– Небесный Город по-прежнему молчит? – уточнил Коэно.

Как будто не ясно! О чём Небожителям разговаривать со смертными? В особенности с теми, кто посмел бросить им вызов! Веттрайя отвернулся к окну. Бронированное стекло было недостаточно прозрачным, но огромный кристалл Небесья он различал вполне отчётливо. Шлюзовые ворота закрыты, причальные мачты втянуты. Не ждут гостей хозяева. Там, за зеркальными стенами Небесного Города скрыты несметные сокровища – золото и драгоценные камни, волшебные механизмы и запретные для наземцев книги, тайны, о которых разве что догадывались мудрейшие из людей. И самая манящая, самая заветная: тайна ремесла, позволяющего обмениваться телами, получать взамен старого, источенного болезнями, молодое и здоровое. И жить вечно.

Обещанием этих богатств и этой тайны Веттрайя собрал свою армию. Единственно возможную в этом мире: преступники, лишённые права на мёну. Что они могли потерять? Десяток лет оставшейся жизни? Награда – бессмертие, богатство и власть – окупала риск.

Адмирала Веттрайю бессмертие не интересовало. Власть и богатство нужны ему были только затем, чтобы достигнуть цели. Той, что он поставил себе, когда шестнадцатилетним хоружским гимназистом получил дурную весть из родного улуса: мать умерла, приобретя по нечестной мене неизлечимую хворь, отец же обменялся вполне удачно, на радостях закатил пир, пьяный упал с коня и свернул себе шею. Так и закончилась, не начавшись, вечная жизнь его родителей.

– Господин адмирал, ваше величество, что ответить князю? – робко спросил телеграфист.

– Ничего. Всё, что нужно, он скоро увидит сам.

Алое вечернее солнце коснулось горизонта. Его лучи играли на хрустальных гранях Небесного Города, окрашивая его в цвета рубина и граната. В цвета крови... Пора!

– Сигнальщикам передать на корабли: первая линия – залп! – Адмирал скомандовал, не оборачиваясь. Тут же услышал, как затопали подошвы по гулкому полу мостика, где-то за переборкой засвистели боцманские дудки.

Как замигали разноцветными всполохами семафоры флагмана, Веттрайя видеть не мог, но через несколько минут разглядел ответные сигналы ближайших к флагману посудин. Дирижабли окружали Небесный Город, точно огромные металлические мухи. Вернее – осы, хищные, готовые жалить.

Огненно-алые кляксы вспыхнули под гондолами всех дирижаблей первой линии почти одновременно, дымные полосы метнулись к кровавому кристаллу. Не ожидали? Сюрприз! Веттрайя искренне надеялся застать Небожителей врасплох. Пороховые ракеты – штука куда более страшная, чем стреломёты и болтострелы. А главное – дали это оружие людям не хозяева Небе-

ся. Мудрецы Лунных Пределов изобрели порох задолго до их пришествия. В прежние времена использовался тот исключительно для развлечений – запускать в ночное небо рои разноцветных светляков. Но если смастерить ракету побольше, снарядить стальным наконечником, то игрушка превратится в оружие. Посмотрим, устоит ли против него небесный хрусталь.

Первая ракета достигла цели, разорвалась, оставив лишь пятно копоти. Вторая оказалась удачливей – Веттрайя различил сеть трещин, побежавших по стене. Это хорошо, значит, уязвимые места там есть. А ракет, чтобы нащупать их, у армады достаточно.

– Вторая линия – залп!

Вновь засвистели дудки, замигали семафоры, но адмирал уже не смотрел на свои корабли. На миг ему показалось, что бронестекло ещё сильнее помутнело. Но нет, очертания дирижаблей он видел отчётливо. Небесный Город подёрнулся туманной чуть искрящейся пеленой. Меняные рассказывали, что подобный туман скрывает силуэты Небожителей. Эфирная защита. Сколько же мощи требуется, чтобы укрыть весь Город?!

Ракеты продолжали взрываться, но причиняет ли это хоть малейший вред Городу, теперь видно не было.

– Прекратить огонь! Коэно! – Веттрайя окликнул советника. – Как много эфирной силы требуется, чтобы поддерживать защиту Небесья?

– О, мы ничего не знаем о ёмкости батарей и...

– Спрашиваю ещё раз – сколько эфирной силы требуется?!

– Думаю, гораздо больше, чем производят все станции Наземья. Но, ваше величество, мы черпаем эфирную силу только из воды и воздуха – Небожители открыли нам этот секрет. Мудрецы утверждают, что куда больше её можно получить из солнечного света. Если знать – как!

– Солнце скоро сядет, – в голосе бомбардира Картоша звучала неуверенность. – Мы можем и подождать.

– Не аэропланы, – возразил капитан флагмана Богурра. – У некоторых заряд батарей на исходе.

– Мы не можем остаться без аэропланов! Если нас атаку...

Он замолк на полуслове – скрывающая Небесный Город пелена дрогнула, пошла прорехами.

– Ага! – обрадовался Картош. – Запасы эфирной силы у этих уродов не бесконечные. Залп, адмирал, залп!

Веттрайя ответить не успел. В одной из прорех вспыхнула белая звёздочка. Ослепительно яркий в темнеющем вечернем небе лучик метнулся навстречу армаде, чиркнул по гондоле «Славы Севера», мимоходом срезал лопасти пропеллеров, остановился, ткнувшись в обшивку аэростата.

– Что за...

В следующую минуту дирижабль взорвался. Огненный шквал ударил в соседние корабли, расшвырял клочья обшивки, рули, обломки гондолы, изуродованные тела, а белый луч уже выискивал следующую жертву. И не он один! Добрая дюжина била по окружившей Город армаде, выжигала её. «Роза Весура», «Утренний всадник», «Золотой дождь», «Стремительный» – Веттрайя не успевал считать вспыхивающие один за другим дирижабли.

– Всем линиям – залп! – наконец опомнился он. – Аэропланы – в атаку!

– В атаку?! – Картош подскочил, дёрнул за плечо, заставляя развернуться. – Ты спятил, адмирал?! Богурра, командуй отход!

– Изменник! – Веттрайя сбросил с плеча руку бомбардира, схватился за кортик... и тут же повалился на пол, сбитый ударом в челюсть.

– Это ты нас предал! Признавайся, небесные уроды тебя подослали? Чтобы ты собрал нас и привёл прямо к ним на костёр? Ты заранее знал об их лучах смерти, ты же умник! Признавайся!

Впрочем, ответить Веттрайе он не позволил. Что было силы ударил носком сапога по рёбрам, ещё раз, ещё. Веттрайя закашлялся, едва не захлёбываясь кровью. А рядом ползал на коленях Коэно, скулил противно:

– Мы все здесь умрём, все, все! Мы смертники, безудачники!

Скольким дирижаблям удалось отступить, Веттрайя не знал. Удивительно, что уцелел хоть кто-то. «Грозе мира» повезло. Утром они были далеко от Небесного Города, пробирались между скалистыми вершинами Серединного хребта. Всё, что было ниже вершин, скрывал непроницаемо-густой туман. Это хорошо, тарусийцы не увидят, куда подались налётчики, не сообщат своим небесным хозяевам.

Ночь Веттрайя провёл на капитанском мостике, связанный по рукам и ногам. Не то чтобы Богурра и Картош интересовались его советами – он для них перестал существовать. Свои планы они обсуждали так, точно кроме них на мостике никого не было:

– Что будем дальше делать? Возвращаемся в Милакию? Или сразу в Геннеберг?

– Зачем? Чтобы сплясать последний танец на виселице? Думаю, Небесье уже оповестило весь мир о гибели армады. А если не они, то этот урод, что сидит на троне Княжграда. Мы теперь снова вне закона... как будто и не было ничего.

– Говорят, по ту сторону Западного океана тоже есть земля. Мы могли бы попробовать туда долететь. Заряда батарей должно хватить.

Картош захохотал:

– Ты хочешь стать володарем дикарей? Ходить нагишом и жрать сырую рыбу?

– А что ты предлагаешь?! – взвился Богурра.

– Лететь к побережью, затопить дирижабль в безлюдном месте, добыть именные грамоты, затеряться.

– Топить «Грозу мира»? Да я всю жизнь мечтал о собственном дирижабле!

– Вот и сдохнешь вместе с ним.

Капитан насупился, отвернулся от подельника. Взгляд его тёмных, глубоко посаженных глаз вперился в Веттрайю.

– С этим что делать будем? Может, перерезать ему горло? Или оставим здесь, пусть рыбами покомандует? Эй ты, чего молчишь? Выбирай, как тебе лучше!

– Жирно для него будет – выбирать. Сколько хороших ребят из-за него сгорели заживо, оземь расшиблись – ещё больше!

– Они погибли в бою, а не сдохли на виселице или в сточной канаве со вспоротым брюхом. Благодаря мне вы людьми себя почувствовали, а не падалью! Я вас летать научил!

– Пасть закрой! – Богурра шагнул к нему, готовый доломать уцелевшие рёбра.

Но Картош остановил:

– погоди! Летать, значит, научил? Ну и мы тебя сейчас научим. Узнаешь, каково это, с высоты – оземь.

Матросов они звать не стали: люк – рядом, в углу мостика. Распахнули, подтащили, подняли – и Веттрайя ощутил, что опора исчезла, что под ним пустота. Холодный влажный воздух ударил в лицо, сбил дыхание. Мир вокруг, днище гондолы, серебристо-жёлтая сигара дирижабля пропали, слизанные туманом. Он не увидит даже землю, о которую расшибётся, – успел подумать...

Падение, только что стремительное, начало замедляться. Уже и не падение это было – Веттрайя словно парил, медленно снижаясь. Может, чувства обманывают? Он завертел головой по сторонам, но что увидишь в таком тумане? Потом всё-таки увидел – ветка дерева мед-

ленно проплыла вверх в полуметре от него. Пожалуй, он бы дотянулся, если бы не связанные за спиной руки. А вон ещё одна, чуть поодаль. Веттрайя опускался на землю мягко и плавно, как сорвавшийся с дерева лист. Он летел лицом вниз, потому видел, как из тумана вынырнули низкорослые кусты, каменистая осыпь, трава. На эту траву он и лёг.

Минуту Веттрайя лежал неподвижно, пытаясь понять, что происходит. Понять не получалось. Тогда он перевернулся на бок, сел. Тотчас из тумана выступили двое. Они во всём походили на людей – две ноги, две руки, на каждой по пять пальцев, глаза, нос, рот, уши. Но всё же это были не люди: слишком высокие, в каждом по два метра роста, слишком красивые, слишком правильно сложены. И кожа слишком светлая. Волосы белые, будто снег, и большие яркие глаза цвета молодой весенней травы.

Одеты незнакомцы были одинаково – серые с грязно-зелёными разводами комбинезоны наверняка делали их незаметными среди камней и деревьев. Очертания фигур указывали, что одна из них женщина, второй – мужчина.

– Я знаю, кто вы такие, – объявил Веттрайя. – Вы Светлые Боги. Мои предки верили, что вы правили миром до того, как в него пришли Небожители.

Незнакомцы переглянулись. Женщина присела рядом, коснулась верёвок на лодыжках, и узел тут же распался, хоть Веттрайя поклясться мог – она и пальцем не пошевелила для этого. С верёвкой на запястьях произошло то же самое. Мужчина положил ладонь ему на голову, и Веттрайя услышал голос внутри черепа:

– Мы никогда не правили твоим миром.

– И мы не боги. – Женщина взяла его за руку, и её голос, напевный и звонкий одновременно, он тоже услышал. – Мы Наблюдатели.

– Но это как раз не важно. Можешь считать нас богами, если тебе так проще.

– «Светлые Боги», поэтично звучит. Мне нравится, – улыбнулась женщина.

Губы её не шевелились, и было странно слышать звук голоса. Веттрайя пожал плечами:

– Вы спасли мне жизнь так, как могли это сделать только Боги. Значит, вы Боги. Мне интересно другое. Зачем вы это сделали? В мире погибают тысячи людей. Наверняка многие среди них куда достойнее, чем я.

– В мире погибают миллионы, – поправил мужчина. – Но один ты рискнул пойти наперекор Небожителям.

– Небожители – ваши враги?

– Нет. Они ваши враги. Враги вашего мира.

Веттрайя хмыкнул:

– А то я не знаю! Только против их оружия никто не устоит.

– Люди не могут победить Небожителей ни силой, ни хитростью, – подтвердил мужчина. – Небожители предусмотрели всё.

– Их власть над миром людей абсолютна и безупречна, – добавила женщина.

– Они думают, что их власть безупречна.

– Они уверены в этом.

– Они не знают, какую оплошность допустили. Один человек может изменить весь ваш мир. Если окажется в должном месте в должное время.

Веттрайя вскинулся:

– И где это место и время?

– Пока мы не знаем.

– Мы будем ждать.

– А я? Мне-то что делать? Зачем вы мне всё это рассказываете?

– И ты должен ждать. Жить. Стать отцом. Дедом. Прадедом...

– Хотите сказать, это кто-то из моих потомков победит Небожителей? Откуда вы всё знаете? Выходит, вы всё-таки Боги?

– Мы Наблюдатели. – Женщина поднялась с колен. – Мы наблюдаем ваш мир сегодня, вчера, завтра. Всегда! Твой сын... внук... правнук окажется в должное время в должном месте.

– Хорошее дело! Вы хоть подскажите, где и когда это будет?

– Мы подсказем. – Женщина сделала шаг в туман. – Мы помогли сделать ошибку, поможем её исправить.

– Мы пришлём весть. – Мужчина тоже отступил.

– Эй, постойте! – Веттрайя опомнился, вскочил на ноги. – Куда вы уходите? Я заблужусь в этих горах!

Он бросился в туман, туда, где секунду назад растаяли силуэты Светлых Богов. И едва не сорвался с обрыва. Ему понадобилось минут десять, чтобы найти ведущую вниз тропку. Побежал по ней, то и дело спотыкаясь, цепляясь ногами за камни, за узловатые корни. Он уже понимал, что не отыщет Богов, что остался один в незнакомых горах чужой страны.

В конце концов ему надоело спотыкаться, и он перешёл на шаг. И сразу услышал шум. Шум доносился спереди, тропинка вела как раз к его источнику. Веттрайя остановился, размышляя, что делать – продолжать путь или вернуться назад? Потом махнул рукой: Светлые Боги спасали его не для того, чтобы подвергнуть новой опасности.

Это был водопад. Горная речушка срывалась с утёса, дюжиной струй падала вниз, разбиваясь по пути о камни. Внизу собиралась небольшим озерцом и продолжала свой путь дальше, среди невысоких кустов с тёмными жёсткими листьями на колючих ветвях. Под водопадом плескалась девушка, совсем не похожая на недавно виденных Богов: тонкая, черноволосая, узкобёдрая. Веттрайя выскочил из тумана внезапно, но девушка не испугалась, а скорее удивилась его появлению. Прикрыла рукой лоно, посмотрела вопросительно.

– Извините, – Веттрайя попятился, отвернулся смущённо, – я, кажется, заблудился.

Девушка засмеялась, спросила что-то на гортанном, не похожем на напевную речь Богов языке. Веттрайя спохватился – по привычке он заговорил с ней на геннском.

– Извини, я чужой странец, – повторил он, с трудом подбирая тарусийские слова.

Девушка опять засмеялась.

– Ты смешно говорить. – Её акцент был ничуть не лучше. – Откуда ты браться? Упасть с Небеса?

– Почти угадала, – хмыкнул Веттрайя.

– Ты хочешь знать дорога в долина?

Веттрайя готов был кивнуть. Спыхватился. Что, собственно, ему делать в долине? Прятаться от княжьей стражи? Собирать шайку смертников, промышлять разбоем на больших дорогах? Нет уж, увольте.

Он повернулся к девушке, уже не смущаясь, оценил её фигуру. Сильные ноги, по-мужски крепкие плечи, тёмные бусинки сосков на маленьких девичьих грудях. Спросил:

– Ты согласишься родить мне сына? И как тебя зовут?

Девушка выбралась из воды, запахнулась длинным чёрным плащом. Поинтересовалась деловито:

– Ты взять меня в жена, чужой странец? Меня звать Изимия. Какой калым ты платить моему отцу?

В карманах у Веттрайи было пусто. Однако подельники так торопились сбросить его с дирижабля, что не удосужились снять перстни и серьгу.

– Этот камень называется сапфир, а этот – рубин. – Он протянул девушке руку. – В Княжграде за них наверняка дадут хорошую цену.

Она осторожно взяла его ладонь, провела пальчиком по камням, разглядывая. Когда опять подняла голову, в глазах её светилась радость.

– Да, это очень, очень хороший калым! Отец сделать мену себе и маме, не умирать. Я родить тебе три сын за это!

Веттрайя усмехнулся. Заказывали ему одного, но запас карман не тянет.

– Договорились. Пошли к твоему отцу, Изимия. Как у вас принято свататься?

Глава 1. Трай

Гончарная мастерская господина Капоша стояла в самом конце Глиняной улицы, там, где та превращалась в просёлочную дорогу, петляющую между огородами, зарослями терновника и мелкими оврагами. Дальше просёлок уходил вправо, перебирался вброд через Тычкин ручей, – благо дно у ручья в этом месте каменистое, – делал изрядный крюк, огибая дубовую рощу, и натужно взбирался на гряды невысоких, но крутобоких холмов. За холмами он терялся окончательно.

Стол, за которым Трай расписывал горшки, стоял как раз напротив окна, выходившего на просёлок. Поздней осенью и зимой смотреть в окно было неинтересно: грязь, слякоть, низкие серые тучи, а то и завеса дождя, делавшая мир маленьким и неудобным. Редкое разнообразие – протарахтит по просёлку телега селянина, вздумавшего наведаться в волостной городок за какой-то надобностью, да и завязнет в бочаге по самую ось. Трай глядел, как тужится мужик, пытаюсь приподнять телегу, как упирается копытами тощая лошаде́нка. Глядел, вздыхал, сочувствовал – издали.

Когда убогую серость ненадолго прикрывал снег, краше не становилось. Снег – это вовсе зябко и сыро. Стынут руки, под ногами чавкает, и затянутые тонким ледком колдобины оказываются вдвойне коварными. Снег, холод и зиму Трай не любил. Кто их только выдумал? Говорят, на юге, на берегу океана, их и вовсе нет, сплошь весна да лето. Вот повезло тамошним!

Весной и летом картинка за окном преображалась. Сначала появлялась зеленоватая дымка на терновниках. Затем сплошь зелёными становились рощи, расцветали жёлтым, синим, алым пустоши вокруг овражков. Наконец, приходила пора огородов, и просёлок делался многолюдным, весёлым и шумным. Утром, едва солнце поднимется из-за холмов на востоке, – селяне спешат на рынок. Днём, когда оно подойдёт ближе к зениту, – едут обратно. А какое пронзительно-высокое небо весной! Начинаешь верить, что мир не заканчивается грядой холмов, опоясывающих городок, что он огромный – даже до столицы державы, Княжграда, без малого полторы тысячи вёрст!

На цветущие пустоши, зелёные рощи, синее небо Трай мог глядеть часами. Господин Капош бурчал, что работа идёт медленно, но скорее для порядка, без злобы. Руки и подавно не распускал. Потому как Трай не зазря таращился в окошко, а запоминал цвета, чтобы после перенести их на глину. Весной и летом роспись получалась яркой, солнечной, живой, а осенью и зимой, как ни старайся, ничего не выходит. Вроде и глина та самая, и краски те же, и обжигает горшки господин Капош по одной и той же методе, а не получается. «Зимняя» посуда большей частью пылилась в кладовой, распродалась селянам за бесценок, а то вовсе шла на шамот. Зато «летняя» – ого-го! Летняя кормила и гончара, и его вечно хворую жену, и троих детишек, и единственного подмастерья – Трая. Летняя позволяла содержать мастерскую, закупать глину и уголь, платить рыночный сбор и подушный налог. Пока что позволяла...

Господин Капош был безудачником. Десять лет назад он, такой же бедняк по рождению, как и Трай, обменялся вперёд. На вырученные монеты приобрёл гончарную мастерскую на краю городка и твёрдо вознамерился начать долгую богатую жизнь. Ан не вышло. Хотя и научился ремеслу, пока ходил в подмастерьях, но на поверку оказалось, что всё его умение – горшки на гончарном круге лепить. Правильно обжечь их, чтобы прочными и звонкими были, не боялись ни огня, ни влаги, у него не получалось. А старые мастера, многие десятки лет простоявшие у горна, не единожды менянные назад, делиться секретами с выскочкой не собирались, во всяком случае бесплатно. Но и «за платно» ничего путного не вышло. Когда жена господина Капоша добыла для мужа секрет обжига и поливы за мену с супругой одного из мастеров, оказалось, что к секрету этому нужно приноровиться. Потратить годы и годы жизни, чтобы к знанию добавилось умение.

Незадачливый гончар уже разорился бы, если б случай не привёл в его мастерскую Трая. Прежний подмастерье работать за похлёбку отказался, а у осиротевшего в тот год парнишки выбора не было. Не то чтобы Траю нравилось возиться с глиной, – измельчать, просеивать, разминать, – и уж тем более ковыряться в саже, вычищая горн, но эта работа была ничем не хуже другой. И она была единственной, которую он смог найти в ту стылую, зябкую зиму.

А потом Траю в руки попала кисточка. Случайно попала – хозяева как раз обедали, плоски с красками стояли на столе в мастерской. Они были такие яркие, красивые! Трай не удержался и разрисовал предназначенный в шамот обломок блюда. Затем ещё один, ещё. Увлёкся, не заметил госпожу Капошеву. Та понаблюдала за подмастерьем, кликнула мужа. Гончар с ходу отвесил мальчишке подзатыльник – нечего дорогие краски без толку переводить! Но жена остановила и предложила Траю разрисовать целую тарель. С этого всё и пошло. Разумеется, разрисованная Траем посуда оставалось всё такой же хрупкой, малопригодной в использовании. Зато она была красивая! И зажиточные мешчанки нашли ей применение: взяли украшать тарелями стены гостиных и трапезных, чашечками – посудные горки, чтобы глаз радовали и душу веселили. Мол, так и в Княжграде заведено! Правда, там для этого использовали дорогой фарфор аж из Лунных Пределов, но на то он и Княжград.

Из окна мастерской Траю был виден большой кусок мира, окружающего город. Зато сам город виден не был. И дворик, неприбранный, неухоженный, заваленный черепичным мусором, битым кирпичом и прочим хламом виден не был. Калитка в почерневших от времени, едва держащихся на петлях воротах – тоже. Потому Трай не увидел Кветтину, а услышал, как она зовёт:

– Трай, ты дома?!

– Здесь он, здесь, в мастерской, – тут же отозвалась откуда-то справа, не иначе из курятника, хозяйка. – Где ж ему быть? Работает, самые сочные денёчки для него. У нас знаешь как – лето весь год кормит.

Кветтина что-то ответила вполголоса – Трай не разобрал. Должно быть, просила позвать, потому как хозяйка возразила:

– Да сама зайди и кликни. Чай, не барыня.

Не дожидаясь, пока девушка войдёт, он быстро вытер ветошью пальцы, поднялся из-за стола, аккуратно взял свежерасписанный – краски не успели обсохнуть – кувшин, поставил на полку, в ряд с такими же красавцами-собратьями. Развязал тесёмки фартука, сбросил его на лавку и заспешил к выходу.

К двери они поспели вместе. Трай толкнул, Кветтина потянула на себя, распахнула от неожиданности настежь – ах! Трай замер, ощутив, как девичьи грудки ткнулись ему под рёбра. Они у Кветтины были крепенькие и упругие. Да и вся она была такой же крепенькой, словно яблочко, налитое молодым летним соком. С круглыми розовыми щёчками, маленьким, чуть вздёрнутым носиком, пухлыми медово-сладкими губками и огромными карими глазищами. Кветтина была очень красива. И очень нравилась Траю. Глядя на неё, он мечтал, что когда-нибудь решится, обнимет, прижмёт к себе, поцелует – по-настоящему, в губы, а не в щёчку, как сестрёнку, – и... предложит выйти замуж, ясное дело! Трай уверен был, что обязательно сделает это – как только представится случай. Он начал ждать случая ещё пять лет назад, когда Кветтина была нескладной отроковицей. Всё ждал, ждал, ждал... а случай не представлялся.

Зато рыжий конопатый Ламавин Пука – увалень, нос картошкой! – на случай не надеялся. Уже с полгода зажимался с Кветтиной по укромным уголкам, целовал её в губы, и кто знает, не сговорились ли парочка о женитбе? У Трая кулаки чесались – расквасить бы рыжему его картофелину, даром что приятели!

...Трай сообразил вдруг, что они так и стоят в дверях, прижавшись друг к другу. Кветтина не отступила, лишь разглядывала его и улыбалась. Стрельнуло в голове – так вот же он, случай! Вскинул руки, готовясь облапить...

– Ой! – Не успел. Девушка хихикнула, ловко проскользнула под его ладонями – у неё всё ловко получается! – Ты чего это надумал? Ты же в краске весь, испачкаешь!

– Я снял фартук... – растерянно пробормотал Трай. Кажется, удобный случай опять обошёл его стороной.

– Фартук... а руки? Глянь – по локоть серо-буро-малиновые! – Кветтина засмеялась залиvisto и отскочила на пару шагов, пока Трай не сообразил, что руки у него чистые – он же их вытер! – Ладно, иди мойся и переодевайся. Мави сегодня угощает.

– Это по какому же поводу? – удивился Трай.

– А то ты не догадываешься! Он целый год этот повод ищет.

– Он менщика нашёл?! И кого же?

– Сам расскажет. Да поторапливайся ты! Они с братом сумки потащили на наше место, а я за тобой забежала.

Трай неуверенно покосился на хозяйский дом.

– У меня работа...

– Ой, завтра поработаешь! Можно подумать, эти безудачники посмеют тебя выгнать из-за двух кувшинов.

– Квета! – укоризненно промямлил Трай. – Они же не виноваты...

– Виноваты! Удача каждому даётся. Проворонили – выходит, виноваты. А ты не стой, Ард с рыжим уже ждут, наверное.

Трай вздохнул, но спорить больше не захотел. Поплёлся к сараюшке в углу двора, рядом с собачьей будкой – своему жилищу. Из курятника выглянула госпожа Капошева, открыла было рот, готовая что-то сказать, но, встретившись с парнем взглядом, промолчала. А когда спустя пять минут он снова вышел во двор, умытый, переодевшийся в чистое, никого из Капошей видно не было, одна Кветтина сидела на корточках, чесала за ухом Гривастика. Пёс грустно глядел на неё, вяло помахивал куцым обрубок хвоста. Выглядел он таким же менянным вперёд безудачником, как и его хозяева.

– Знаешь, они ведь боятся, – Кветтина подмигнула Траю. – Что ты мену удачную подыщешь и уйдёшь от них навсегда. Хотя ты и так от них уйти можешь, верно?

Трай промолчал.

Кветтина не ошиблась – Ардис и Ламавин ждали их в условленном месте. Место в самом деле было хорошее. Вроде бы и околища недалеко, и просёлок в полусотне шагов, а тихо, безлюдно, словно на десятки вёрст вокруг нет ни одной живой души. Склоны овражка сплошь поросли густым терновником, так что с дороги казалось – кроме колючих кустов и нет там ничего. Но если пройти вдоль оврага, спуститься по едва заметной тропинке, то за стеной терновника увидишь просторную полянку и звонкий ручеёк. Трай, Ардис и Ламавин нашли это место много лет назад, босоногими сорванцами, и с тех пор ревниво оберегали от чужаков.

Они дружили, сколько себя помнили. Все трое были бедняками по рождению, сверстниками и соседями – достаточно, чтобы стать приятелями. Когда выяснилось, что родители всех троих не сумели поймать удачу, мальчишки ещё крепче стали держаться друг за друга. Как иначе? Вскоре у Ардиса умер отец – надорвался, таская неподъёмные тюки на кожевенной мануфактуре. Он ничего не умел, кроме как таскать тяжести, и когда монеты, полученные по мене, закончились, вынужден был взяться за старое, но силы в плечах оказалось куда меньше, чем прежде. Трай к четырнадцати годам и вовсе осиротел. У Ламавина родители пока были живы, да толку от этого? Отец пил не просыхая, будто старался быстрее пропить и невеликий свой заработок сапожника, и оставшуюся после мены жизнь. А мать смотрела на это и медленно сходила с ума.

Братьев-сестёр у Ламавина и Трая не было – их родители вовремя поняли, что катятся на дно и прокормить второй рот не сумеют. У Ардиса сестра была – младше на три года. Такая же

темноволосая, кареглазая, невысокая, зато крепкая в кости – как и брат. И такая же упрямая. Лет до тринадцати она была их общей младшей сестрёнкой, хвостиком, неотвязно следовавшим всюду за приятелями. А потом вдруг оказалось, что Кветтина, в отличие от брата, становится красавицей. Унаследованная от родителей широкая кость вовсе не портила её. Пусть не могла она похвастать осиной талией и длинными ногами, зато бёдра у девушки были пышными и грудь высокой. Кто из «братьев» влюбился первым – Трай или Ламавин, – не важно. Теперь, когда Кветтине исполнилось шестнадцать – взрослая! – в неё были влюблены оба. И если выросший белокурый красавцем Трай пока что робко вздыхал, поджидая случая, то рыжий шёл напролом к поставленной цели.

– Где вы бродили столько времени? – Ламавин ревниво покосился на Трая. – Вона, курица остыла. А я ж нарочно у мамыши Тулу просил горяченькую, чтоб вкуснее было.

– Леший с ней, с курицей! – хохотнул Ардис. – Вино нагреется – это да!

Он как раз раскладывал подстилку на берегу ручейка. Корзины со снедью стояли рядом, ещё не распакованные. Ясно было, что ребята опередили Кветтину и Трая не больше, чем на пять минут.

Девушка присела возле корзинок, сунула руку под тряпку:

– Тёплая, тёплая, не ворчи. Ты лучше Траю новость скажи, а то он ничего не знает.

Ламавин самодовольно осклабился.

– Не, насухо такое не рассказывают, – наклонился, вытащил из второй корзины литровую бутыл с длинным горлышком. Выдернул пробку, поднёс горлышко к носу, втянул аромат. Зажмурился блаженно, подал бутыл Траю. – Видал, чем поить вас буду? Настоящий «Весурский лощман», семь форинтов за бутылку!

– Ого, – уважительно протянул Трай.

– А ты думал! Я ж задаток взял у господина Фа... – Рыжий поспешно прикусил язык, чтобы не проговориться раньше времени. – В общем, я свою удачу поймал за хвост и теперича нипочём не отпущу.

– Вы долго нюхать будете?! – прикрикнул снизу Ардис. Они с сестрой успели разложить на подстилке снедь, расставили глиняные кружки. – А ну садитесь. Наливать пора!

Присели. Налили. Выпили. Вино впрямь было недурственное. Во всяком случае, лучшее из того, что Траю доводилось пробовать. Подумать только – семь форинтов! Мастер Капош себе такого не позволял даже на праздники. Самые красивые из расписанных Траем кувшинов шли по форинту за штуку, а то и по полфоринта, по четвертаку, по три медяка.

– Знатное винцо! – похвалил и Ардис. Тут же разлил по второй.

Вино и само по себе было хорошим, а с жареной курятиной, с сочной зеленью, с мягким пшеничным хлебом, с брынзой – так и вовсе! Ардис и третью бы налил незамедлительно, но Ламавин поспешно отставил бутыл – надо же растянуть удовольствие. Посмотрел на жующего Трая.

– Ну? – поторопил.

– Чего? – не понял тот.

– Расспрашивай давай!

– А-а! – протянул Трай, не переставая жевать. Жареное мясо у Капошей подавали редко. Всё больше каша, постный суп да квашеная капуста. – Говори, с кем ты меняешься?

Веснушчатое лицо Ламавина расплылось в улыбке.

– Не, ты угадай. Я подскажу: уважаемый господин, богатей из богатеев...

– Чего там угадывать? – фыркнула Кветтина. – Господин Фальнар ему меню предложил. Ну, знаешь бакалейщика с Чистой улицы?

Трай кивнул, мол, знаю, как же! Но Ламавин ждал восхищения своей удачей, потому пришлось повременить с жеванием.

– Хорошая мена. Он же не старый ещё, крепкий вроде дядька.

– Здоровый кабан, – подтвердил Ардис. Скомандовал рыжему: – Наливай за его здоровье, что ли? А то оно скоро твоим будет.

– О! Эт ты верно сказанул! – Ламавин поспешно разлил вино.

Выпили и за это. Доели курицу.

– Хорошо сидим. – Ардис откинулся на спину, лениво потянулся, разминая широкие, сильные плечи.

В самом деле, хорошо. Сверху солнышко светит, под ногами ручеёк журчит, вокруг – зелено, и внутри – благостно, тепло. Трай улыбнулся от удовольствия. Подставил палец божьей коровке, заползшей на подстилку, поднёс к глазам, рассматривая чёрные точки на кирпично-рыжих надкрылках.

– Теперь выкладывай, чего и я не знаю, – потребовал Ардис. – Бакалейщик монет много обещает за твою конопатую рожу?

Улыбка Ламавина стала ещё шире.

– Монеты – эт так, ерунда. Он мне дом свой отпишет и лавку, и все товары. Вона как!

– Ух ты! – Кветтина даже приподнялась. Трай и не заметил, когда она прилечь успела – букашку разглядывал. – Дом?! Это тот, кирпичный, двухэтажный?

– А то какой же? Двухэтажный, с мансардой. Восемь комнат! Просторные, светлые, окна – во! – Ламавин раскинул руками, чуть бутылку не перевернул.

– Почём знаешь, что восемь? – не поверил Ардис.

– Ходил поглядеть, я ж не простак какой!

– Здорово... – мечтательно протянула Кветтина, вновь растягиваясь на траве. – Хотела бы я пожить в таком доме.

– Так и поживёшь! – пообещал Ламавин.

Трай сделал вид, будто не услышал этих слов. А рыжий снова размахивал руками:

– И лавка моей будет! У господина Фальнара первейшая бакалейная торговля в волости, и она моя теперича, во! Поторгую годиков пять-шесть, накоплю монет и назад поменяюсь. Я уж если вцепился удаче в загривок, нипочём её не выпущу.

Ардис громко вздохнул. Потом быстро сел, потянулся за кружкой:

– Давай за удачу!

Ламавин разлил вино. В три кружки.

– А себе? – удивлённо уставился на него Ардис.

– Мне хватит. Завтра дирижабль летит, трезвым быть надобно.

– Да вам до Небесного Города день и ночь без малого пыхтеть! – возмутился Ардис. – Успеешь протрезветь.

– Так то до Небесья! А в самом дирижабле лететь каково? Так растрясёт, что света белого не увидишь. Не, я уж лучше опосля, когда вернусь.

– Как знаешь!

Ардис залпом выпил, потянулся было за курицей, но от той остались лишь обглоданные косточки. Махнул рукой раздосадованно, оторвал корку хлеба, закинул в рот, задвигал челюстями. Поинтересовался:

– Слушай, Мави, если лавка тебе отойдёт, с чего господин Фальнар жить будет?

– Он в Княжград решил податься, всё заново начать. Чего ж не начать, когда звонкая монета имеется?

Ардис хмыкнул:

– Для Княжграда много монет нужно. Чудак человек, чего ему тут-то недоставало?

– Ничего не чудак, – не согласилась с братом Кветтина. – Он в нашей глухомани сколько жизней прожил? Надоело, поди.

Она повернулась к Ламавину:

– Мави, а ты, когда назад поменяешься, в Княжград переедешь?

Рыжий наморщил лоб – размышлял. Отрицательно покачал головой.

– Не-е. Ард верно говорит – монет много надобно. Да не форинтов, а марок серебряных. Или ещё вернее – золотых. Я на ноги для начала твёрдо стану, а уж после, в какой-нибудь следующей жизни... У меня их много будет!

Он засмеялся. Зато Ардис нахмурился, быстро поднёс кружку к губам. Понял, что в ней пусто, сунул приятелю:

– Налей!

Ламавин взял бутылку, потряс.

– Да тут и не осталось ничего...

– Наливай!

Делить вино так, чтобы хватило всем поровну, будущий бакалейщик пока не умел, потому почти всё выбулькал Ардису. Кветтине попало чуть-чуть, а Траю и вовсе капля. Зато последняя. И едва выпили, рыжий протянул ему бутылку и пробку:

– На, загадывай желание.

Трай бережно пересадил божью коровку на голубенький, недавно распутившийся цветок цикория, потянулся за бутылкой. Но взять не успел – Кветтина перехватила:

– А можно я загадаю?

Уверенная, что никто возражать не станет, дунула в горлышко, пробормотала что-то беззвучно, загнала глубоко пробку – сильная! Воровато оглянувшись на приятелей, юркнула с бутылкой в заросли терновника.

– И чего ты загадала? – крикнул вдогонку Ламавин.

– Нельзя говорить, не сбудется!

– Тоже мне, секрет! Я и так знаю, чего тебе хочется, – похвастал брат. – Богатого жениха, чтоб самой не меняться. Все девки об этом мечтают.

– Ой-ёй-ёй, грамотей! – донеслось из кустов. – Может, я совсем про другое?

– Ну да, как же! – Ардис подмигнул товарищам.

Лицо Ламавина снова расплылось в улыбке – понятно, кого рыжий видел «богатым женихом».

– Сбудется, не сомневайся! – заверил.

Ардис с сожалением повертел в руках пустую кружку.

– Эх, где б мне такого богатея найти на мену?

– Найдёшь! – милостиво пообещал ему Ламавин. Затем посмотрел на Трая. – А ты долго щи хлебать собираешься у этих безудачников?

– А что? – насторожился Трай.

– А то! Ты ж красавчик и рисовальщик вдобавок. Да ты и в Небесье попасть сможешь!

Трай уставился на него:

– Сказанул! Именные грамоты лучшие живописцы рисуют. Куда мне до них...

– Во дурик! А живописцам этим что, меняться не надобно? У тебя рука набита, им и учиться наново не понадобится.

– Да, рыжий дело говорит, – поддержал Ардис. – Ты за такую мену мешок серебра отгребёшь.

– Бери выше – золота! – поправил Ламавин. – Двадцать золотых марок выторгуешь, а то и тридцать. Они там, в Небесье, все богатые, самим господам Небожителям прислуживают! Эт тебе не Княжград даже...

– А зачем? – перебил его Трай.

– Золото зачем? – не понял Ламавин.

– Меняться зачем? Мне молодым быть интересно.

У рыжего челюсть отвисла. Ардис хмыкнул, почесал в затылке, поинтересовался ехидно:

– И чего ты со своей молодостью делать собрался? Горшки размалёвывать?

– Хотя бы и горшки.

– А после? У тебя ж ни гроша за душой. Дома своего нету!

– Я заработаю. Научусь хорошо рисовать и заработаю.

– На какую-то халупёнку? Чтоб обменяться назад – как пить дать не заработаешь!

– Я и назад меняться не стану.

– Ты ж помрёшь! – У Ламавина глаза выпучились. – Ну проживёшь ещё годов тридцать, а потом всё одно состаришься и помрёшь. Даже если меняться вперёд не будешь – помрёшь!

– И ладно. Мои мама с папой менялись – и умерли. И отец Ардиса умер. И твои родители, Мави, – прости! – скоро умрут.

Над поляной повисло молчание. Лишь звенел ручеёк, да жужжал над крошечной сладкой vareжкой мышиного горошка шмель. Ни Ардис, ни Ламавин не знали, что возразить приятелю, только переглядывались.

Но тут затрещали кусты, из терновника выбралась Кветтина. Одёрнула юбку, взглянула на обескураженных парней... и захохотала!

– Вы чего глазами лупаете? Не поняли, что Трай вас на смех поднял? Умирают безудачники, а мы ж не такие, верно?!

Ламавин облегчённо перевёл дыхание:

– Точно! Мы знаем, как удачу ловить.

– А то! – кивнул Ардис. Сжал кулаки, скрутил в них воображаемую удачу жгутом. – Мы её вот так! Не улизнёт!

Трай промолчал.

Глава 2. Бед-Дуар

Колёса аэроплана ударили по ссохшейся, покрытой редкой низкорослой травой земле пустыря, заставив машину подпрыгнуть. Бед-Дуар тут же выровнял её, повёл по широкому кругу, гася скорость. Повезло, что старуха надумала летом помирать, – рассудил мимоходом. Страшно представить, во что этот «аэродром» превращается осенью. Или зимой. Зимой здесь, на южном побережье, вечная распутица, морозов не бывает. Далеко не каждый пилот решится совершить посадку. С другой стороны, откуда аэропланам взяться в этой забытой Небесами дыре?

Генерал Барис Бед-Дуар, командующий княжьей стражей Тарусии, никакими судьбами не попал бы в рыбацкую деревушку с дурацким названием Устричная Бухта, если бы не чрезвычайное известие, что принёс телеграф. Настолько чрезвычайное, что пришлось отложить все дела, садиться за штурвал и гнать аэроплан десять часов кряду от Княжграда до этих самых «устриц», позволив себе всего две посадки. Разумеется, самому сидеть за штурвалом генералу никакой надобности не было – все летуны стражи в его распоряжении. Да только ни один летун великого княжества не мог в мастерстве своём сравниться с Бед-Дуаром. Во всём мире едва ли полдюжины набраться могло равных ему. А дело было неотложным, требовалось выжать из аэроплана всю скорость, на какую тот способен.

На краю пустыря, послужившего «аэродромом», генерала поджидала карета, запряжённая четвёркой лошадей. Гербовые орлы на дверцах, синемундирные телохранители на запятках – всё, как положено. Сам волостной исправник, тоже одетый по форме – интересно, часто ли он в неё наряжается в эдакой-то глуши? – переминался с ноги на ногу возле кареты. Как только Бед-Дуар спрыгнул на землю и стащил шлем с головы, бросился навстречу. Как же, узнал!

– Как долетели, ваше превосходительство? Не желаете отобедать? – Исправник скосил глаза на солнце, успевшее проделать две трети пути от зенита до горизонта, поправился: – Отужинать?

Вместо ответа Бед-Дуар бросил ему в руки шлем и перчатки, шагнул к карете:

– Поехали, нечего время терять. Как там старуха?

– Держим, держим, – заверил исправник. На вид ему было лет тридцать пять, мордатый, краснощёкий, по всему видно, не воздержанный в еде и питье. Да и с чего бы ему воздерживаться? Износит эту личину, новую выменяет – для того и мзду берёт. Они все берут, с низу до верху – кормятся. И не тридцать пять ему, конечно, а лет двести, а то и триста. Разбойничью войну наверняка помнит.

Меняных Бед-Дуар недолюбливал. Подозревал, что они ему отвечают тем же, за глаза называют молокососом, мальчишкой, выскочкой, дикарём. Особенно столичные вельможи, живущие уже сотню лет. Пусть их, в глаза всё равно вынуждены улыбаться и льстить. Потому что боятся внезапно потерять свою бесконечно долгую жизнь. От старости откупиться куда легче, чем от кинжала. Старость – она для бедных и глупых.

В древние времена было не так. Человек рождался, вырос, обзаводился семьёй, затем старел... и умирал. Все умирали! Пусть ты так богат, что можешь купаться в золоте, пусть ты вельможа или сам князь – всё равно умрёшь, не обменяешь звонкую монету на новое тело. Короткая человеческая жизнь не стоила ничего, и от этого оказывалась ещё короче. Люди убивали друг друга за горсть монет, за неудачное слово, за косой взгляд. Князья и герцоги, махараджи и володари собирали армии, устраивали кровавые боины, растрачивая жизни своих подданных сотнями и тысячами, – за клочок земли или признание первородства! А скольких убивали голод и болезни?!

Тысячу лет назад в мир пришли Небожители. Их летающий город завис над Княжградом, сверкая, словно громадная друза драгоценных камней. Многому научили они людей – лечить болезни, строить дирижабли и самодвижущиеся повозки, получать эфирную силу из воздуха и воды, передавать сообщения по проводам и эфирным волнам, – но, главное, они установили цену человеческой жизни. Оказывается, люди могут меняться друг с другом телами!

Небожители предложили своё ремесло всем желающим за разумную плату. Если ты богат, но стар или болен, найди молодого менщика, посули монет, отвези в Небесье, и Небожители сделают всё остальное. Если ты молод, но беден, тоже ищи себе мену. Не будь простаком, ловчи, зарабатывай звонкую монету, начинай собственное дело. Если серебро и золото не вскружат тебе голову, если не протренькаешь менную плату, не пропьёшь, не прокутишь, а наоборот, приумножишь, снова меняйся, теперь – назад! Сумеешь повернуть дельце, стало быть, ты – удачник, и впереди тебя ждёт долгая жизнь. Нет – родился ты безудачником, и никто в этом не виноват. Ступай в могилу, а бывшее твоё тело послужит иному хозяину.

Домик старухи стоял почти у самого моря, так что карете пришлось пересечь деревеньку наискосок. И опять Бед-Дуар порадовался, что попал сюда в летнюю сушь. В распутицу карета неминуемо увязла бы на немощённых улочках по самые оси.

Ждать, пока телохранители спрыгнут с запяток, генерал не стал. Первым выскочил из кареты, распахнул калитку, чуть ли не бегом пересёк дворик с луковыми грядками, навесом для вяленья рыбы, ворвался в хибару. И едва не столкнулся в полутёмных сенях с невысоким коренастым мужичком – деревенским старостой.

– Где старуха? – поймал его за шиворот Бед-Дуар.

– Т... тама, – староста ткнул пальцем в дверь такую низкую, что Бед-Дуару потребовалось пригнуться, чтобы пройти в неё. Уже вдогонку пискнул: – Померла она, ваше сходительство...

– Как померла?! – Бед-Дуар замер от неожиданности. Потом пнул дверь сапогом, шагнул в комнатушку. – Что значит, померла?! Я приказал держать её живой, пока прилечу! Лекаря из волости привезти!

– Я лекарь. – Навстречу ему поспешил моложавый господинчик с пушистыми бакенбардами, явно предназначенными восполнить лысину. – Со вчерашнего вечера здесь...

– Так в чём дело, черви тебе в брюхо?!

– Медицина не всесильна, ваше превосходительство. Мы ведь не Небожители.

Возразить на это было нечего. Бед-Дуар оттолкнул лекаря в сторону, прошёл в угол, где на койке лежало недвижимое тело, прикрытое латаной, застиранной простынёй. Масляная лампа висела над койкой, в свете её лицо умершей казалось маской. Заострившийся нос, туго обтянутые кожей скулы, ввалившиеся щёки. В самом деле, древняя старуха, зажившаяся на этом свете.

За спиной топали, шумно дышали. Бед-Дуар обернулся. В комнатушку набилось не менее дюжины: лекарь, староста, какие-то бабки, исправник со своими телохранителями. Нидохнуть, ни протолкнуться.

– Лишние – вон, – тихо произнёс генерал. – Остаться старосте, лекарю и тому, с кем старуха тайной делилась.

Шебаршение на миг замерло.

– Ваше превосходительство, а я? – осторожно уточнил исправник.

– Лишние – вон. – Пальцы генерала легли на рукоять кортика.

Предупреждать третий раз не потребовалось. Секунда – и комнатушка опустела, последний из телохранителей прикрыл за собой дверь бесшумно, но плотно. Староста тут же протянул генералу свиток, подтолкнул вперёд единственную оставшуюся в комнате старуху:

– Вот, сестра её. Ей она всё и рассказала, а уж эта – мне. А я – исправнику в волость депешу отправил. А он...

– Цыц.

Бед-Дуар подвинул стоящий в ногах кровати табурет, так чтобы оказался он под лампой, сел, развернул свиток. Именная грамота, выданная Лали Волич. Место рождения – Устричная Бухта, Песчанская волость, Юго-Западный округ. Год рождения – 967-й, год мены – 990-й. Отец... Мать... Он перевёл взгляд с портрета на лицо умершей. «Старуха» была младше его. Совсем уж неудачно поменялась, раз и на пятнадцать лет тела не хватило.

Он взглянул на вторую женщину:

– Значит, ты её сестра?

– Двоюродная, по батюшке, – закивала та. – С Лалью мы погодки, и живём на одной улице. В детстве, помню...

– Говори, что она тебе о Светлых Богах рассказывала, – перебил её Бед-Дуар.

Старуха замолчала, неуверенно покосилась на старосту.

– Этова... ну так разум у неё от хвори помутился. Вон, и лекарь сказал...

– Говори. Всё. Подробно, – с расстановкой повторил генерал.

Старушка поспешно закивала:

– С весны захворала она сильно, последний месяц и не вставала почти. Я к ней каждый день захаживала, похлёбку там сварить, прибраться. А третьего дня она мне и говорит: «Яраль, помирая я. Признаться должна». Яраль – это меня так кличут...

– Дальше!

– Стало быть, рассказала она, что дитё своё не от супруга прижила. Что замуж уже тяжёлая пошла, бесчестье скрыть хотела.

– Муж её рыбаком был. Десять лет как утоп, – поспешно вставил староста.

– Ну да. Так вот, Лаль тоже однажды чуть не утопла. Собирала устриц в потаённом месте, да и попала в прилив. Унесло её в океан, там бы и конец девке. Да подобрала её железная рыбина, а в рыбине той – Светлые Боги. Лаль говорит, они брат и сестра, да кто же их знает? Обоё высокие очень, бледные, волосы белые, глаза зелёные. Когда разговаривают – губы не шевелятся, рты закрыты, а всё слышно. Ещё картинки они ей показывали – будто сон, только наяву. Не иначе землю свою заокеанскую, Вирий. Вот Лаль и решила, что заберут они её с собой. Обрадовалась.

Старуха замолчала, перевела дыхание.

– Дальше, – поторопил генерал.

– Так не забрали её, вернули назад. Уже тяжёлую вернули, хоть Лаль клянётся, что не ложилась со светловолосым тем, как с мужем.

– Откуда же она знала, что беременна?

Старуха развела руками:

– Говорю, разум у сестры помутился. Я же помню, как на самом деле было – на две недели она тогда пропадала. Потом вернулась в деревню. Спрашивали, где была, – молчит. Не иначе с заезжим женишком сбёгла, а он обрюхатил, да и бросил.

– Дочка у неё и впрямь чудная, – прошептал староста.

– Да, необычная девушка, – подтвердил лекарь. – Я лечил её однажды. На родителей непохожа совершенно. Цвет кожи, волос, глаз – чрезвычайно редкое сочетание, прежде я таких не встречал. И чрезмерно крупная для своего возраста. Ей тогда лет четырнадцать было? А ростом как взрослая женщина.

– Эт когда её сильничали? – уточнил староста. – Двенадцать. Она ещё выросла после. С ваше схождение будет.

– Тем более. И безупречно здоровая, что тоже необычно для детей бедноты. Собственно, мне и лечить её не пришлось, организм сам восстановился.

Бед-Дуар быстро переводил взгляд с одного на другого. Затем вновь посмотрел на старуху:

- Почему твоя сестра решила, что это были Светлые Боги? Они сами так себя называли?
- Так этова... а кто ж они тогда? Светлые Боги, во всех сказках их так зовут.
- Ещё раз спрашиваю, сами они себя как называли? Сестра говорила?
- Говорила. Ох, запомняла я... а, ну как же! Наблюдальщики!
- Наблюдатели, – поправил Бед-Дуар.

Он закрыл глаза на несколько секунд. Значит, всё правда. Малограмотная старуха не смогла бы придумать эту историю.

О беловолосых Наблюдателях, отслеживающих всё, что происходит в Наземье, Бед-Дуар знал давно и надеялся однажды встретиться с ними лицом к лицу. Зачем? Там видно будет. В конце концов он командует княжьей стражей, отвечает за безопасность державы. Но сейчас происходило иное. Если рассказ умершей старухи правда, то Наблюдатели не только наблюдали.

- Что ещё рассказывали сестре эти Наблюдатели?
- Так картинки про Вирий...
- К лешему твой «вирий»! Важное что-нибудь. О Небожителях например? Старуха покачала головой.
- Нет, ничего такого не говорила. Мол, остальное они только дочке рассказать разрешили.

Бед-Дуар повернулся к старосте:

- Я правильно понимаю, в деревне девки нет? Где она?
- Так она годика четыре тому как на мену улетела. И не вернулась. Генерал даже зубами скрипнул от такого известия.
- Четыре года, не путаешь? Сколько ей лет тогда было?
- Шестнадцать. Именную грамоту получила, и только мы её и видали.
- Что-то ты врёшь. Ни одна девка не станет меняться в шестнадцать. Им замуж выйти нужно, детей родить, пока молодые.

– Небесами клянусь, не вру, ваше сходительство! Я ж говорил – чудная она! Грит, монеты нужны, чтоб арифметике в стольном университете учиться и прочим премудростям. Как будто ей волостной школы мало!

– Почему же ты не доложил, если она такая «чудная»? О всякой ерунде доносы пишешь, а тут молчок? Ты для чего на должность поставлен? Княжьими глазами и ушами быть или мзду с деревенских тянуть?!

Староста струхнул не на шутку. Ничего, лишь бы в штаны не навалял, подумал Бед-Дуар со злостью.

– Так... ваше сходительство!.. девка и девка, дура – что о ней сообщать? Я ж не знал, что государственный интерес. Да вы не сомневайтесь! Приметы разошлите по волостям, вмиг объявится, кто с ней мену делал. С такими приметами не объявиться никак нельзя! А там уж и саму девку отыщите.

– Да, тело приметное, – поддержал лекарь. – Найти, у кого оно сейчас, труда не составит.

Бед-Дуар посмотрел на них, вздохнул молча. Встал, пошёл к двери. В хибаре делать было нечего, да и в деревеньке тоже. Уверенности этих простаков он не разделял. Знал нечто такое о мене, чего никому из наземцев знать не полагалось.

Глава 3. Ламавин

Следующая неделя у Трая выдалась трудной. Вначале надо было расписать всю посуду, что вышла из горна не растрескавшейся. Потом они с мастером Капошем ездили копать глину в излучину Берестянки за двадцать вёрст от города. Затем привезённую глину следовало обработать. Затем... в общем, о Ламавине и его мене Трай и думать забыл. Пока однажды, ближе к вечеру, во двор гончара не вбежал Ардис.

– Трай, пошли скорее! Рыжий, оказывается, вчера вернулся. Сидит в своём новом доме и нос не кажет. Наверное, к брюху бакалейщика привыкает.

Посмотреть на приятеля в новом обличье было любопытно, потому отнекиваться, ссылаться на недоделанную работу Трай не стал. Да и работа была нудная и утомительная – разминать и просеивать глину, очищая её от камней и прочего мусора. Такая работа вполне могла подождать до завтра. Или до послезавтра. Куда спешить? И те горшки, что он уже расписал, госпожа Капошева не скоро распродаст.

Бакалейная лавка была заперта, потому приятели обогнули её, поднялись на крыльцо двухэтажного, беленного известью дома. Траю было чуть боязно. В домах городских богачей бывать прежде ему не доводилось. Товар мастер Капош доставлял сам, а в гости они, ясное дело, нищелюбцев не приглашали. Даже стоять на крыльце перед дубовой в резных узорах дверью боязно. А ну как околоточный на улице объявится: «Вы что там делаете? Воровство замыслили?!» И дубиной по спине!

Ардис забарабанил в дверь. Удары получались глухие, не расслышишь.

– Наверно, в окно лучше стучать? – неуверенно предложил Трай.

Ардис покосился на ближнее окно, за которым виднелись горшки с геранью, тюлевая гардина, угол серванта, но постучал опять в дверь. Оно и понятно: стёкла в окнах громадные, ровные, прозрачные. Расколешь ненароком – вовек не расплатишься.

– Кто там безобразничает? – донеслось изнутри дома.

Дверь медленно отворилась. На пороге стоял господин Фальнар. Красномордый лысоватый дядька лет пятидесяти, на голову выше Ардиса, и в два, а то и в три раза шире, чем Трай. Он хмуро посмотрел на парней:

– Зачем дверь ломать? Звонок вона, ослеп?

Ухватил пухлой волосатой лапищей за висевший справа от двери шнурок, потянул. Из глубины дома раздалась мелодичная трель.

Ардис почесал затылок.

– Мави, это ты или не ты? – поинтересовался неуверенно.

– Я, кто ж ещё? Или тебе именную грамоту показать? Заходите, коли припёрлись!

Это в самом деле был рыжий. Да только совсем не рыжий теперь! Называть дородного дядьку «Мави», хлопать по плечу было как-то неловко. Трай знал – неловкость скоро пройдёт, надо лишь привыкнуть к новому обличью человека, месяц-другой и станет казаться, что он всегда таким был. Но поначалу коробило.

Ламавин провёл их через переднюю, затем они поднялись на второй этаж по широкой каменной лестнице с деревянными перилами. Ардис то и дело вертел головой, рассматривая богатое убранство. Одобрительно цокал языком, а когда увидел огромное зеркало в золочёном окладе, охнул. От столь явных знаков восхищения хмурое лицо хозяина дома немного посветлело.

На втором этаже Ламавин завёл их в крайнюю слева – угловую – комнату. Здесь стояли здоровенный стол с двумя тумбами, пара кожаных кресел, кожаный же диван, шкаф под самый потолок. Дверцы у шкапа были сплошными, что хранится внутри, не понять. Одно окно ком-

наты выходило на улицу, из него открывался вид на крыльцо, где давеча стояли Трай и Ардис. Прямо под другим алела черепичная крыша лавки.

– Ты тут спишь? – немедленно поинтересовался Ардис, плюхаясь на диван. – Неудобно, жёстко. Богатеи могли бы и помягче постель стелить.

– Во невежа, ни разу не грамотный, – презрительно выпятил нижнюю губу Ламавин. Прежде такой привычки Трай у него не замечал. – Эт кабинет, я здесь работаю. А спальня – дальше, по коридору.

Ардис почесал затылок. Снова оглядел комнату, особо задержался на шкапе.

– Работаешь? И что ж ты тут делаешь? Неужто по-прежнему сапоги тачаешь? А я-то думал, богатеям работать не нужно.

Да, в шкапе вполне могли поместиться и дратва, и колодки, и обрезки кожи, и банки с канифолью, и всё прочее, что может понадобится сапожнику. Но Трай очень сомневался, что оно там есть.

У Ламавина оттопырилась губа.

– Я здесь бумаги просматриваю, счета всякие, накладные. Ну, сколько товара продано, сколько на складе осталось, сколько прикупить надобно, у кого и по какой цене.

– И ты в этом кумекаешь?! – недоверчиво вытаращился Ардис. – Да ты и читаешь-то еле-еле. Цифры складывать не умеешь!

Ламавин враз насупился, отвернулся. Трай подумал, что приятель – бывший приятель? – погонит их взашей. Поспешил заговорить о другом:

– Мави, расскажи, как в Небесном Городе было?

Ламавин помолчал с минуту – дулся, – затем пожал плечами.

– Да как? Как люди рассказывают, так всё и есть. Прилетели мы туда, пошли к писцам, что во Дворце Прошений сидят. Подали прошение, грамоты предъявили. Ну, расспросили нас, к лекарям направили, чтоб проверили, здоровы ли, в трезвом ли рассудке меняться хотим. А народищу там, народищу! Всюду очередь, всюду ждать надобно. Хочешь без очереди – плати мзду сверх положенной пошлины. Ну, господин Фальнар, он прижимистый, переплачивать не захотел. Так мы полдня там промыкались, пока разрешение на меню получили. Потом во Дворец Ожидания нас пустили. Там тоже очередь. Ну, хорошо, хоть сидеть есть где, и пожрать дают. Не от пуза, знамо дело, но зато даром, представляете? Потом выкликнули нас, на второй ярус повели. Ух и лестница там! Мою видали? Так в Небесном Городе – в четыре раза шире и раз в десять выше. А главное – идти по ней не надобно. Ступеньки сами едут, во!

– Про чудеса с самодвижущейся лестницей все болтают, – пожал плечами Ардис. – А вот что она в десять раз выше твоей... Какая ж это высота у дворца получается?

– У дворца обыкновенная. Лестница не на второй этаж, а на второй ярус ведёт, уразумел? Дворцы, в которых мы до того побывали, они на нижнем ярусе стоят. А на второй поднялись – там всё иначе. И описывать не возьмусь, своими глазами увидеть надобно. Блюстителю нас довели до... ну, как бы зала большая, только она не внутри дома, а снаружи... но там и наружи нету! Довели, значит, и передали с рук на руки господину Небожителю.

Трай так и подался вперёд:

– А какой он, Небожитель?

– Какой? – Ламавин задумался. – Ну, одежда на нём светится вся. Не разберёшь, то ли золотом, то ли серебром, то ли перламутром, но светится. Повёл он нас по улице неширокой... или по коридору широкому? Не понял я. Да там и идти не понадобилось – мостовая сама движется, как ступени на лестнице. Доехали мы до какой-то двери, господин Небожитель её отворил, а за ней зала, надвое перегородженная. На каждой половине – кушетка жёсткая. Лёг я, господин Небожитель мне на голову штуку золотую тяжёлую приладил, и всё, заснул я. А проснулся на другой половине, вот в этом обличье. Небожитель нас обратно к лестнице проводил – она как первая, только у этой ступени вниз едут. Спустились, а у писца уже новые

грамоты именные лежат – с новыми портретами. Ну и дарственная на дом и на лавку как уговаривались. Очередь назад не такие длинные.

Ламавин замолчал. И Трай с Ардисом молчали. О том, как меняются в Небесном Городе, они слышали не впервые, но представить это чудесное место, пока собственными глазами не увидел, не получалось, тут рыжий прав. Тьфу ты, не рыжий больше!

Неизвестно, как долго длилось бы молчание, но в дверь тихо постучали. Раньше, чем Ламавин успел буркнуть: «Ну что там ещё?» в комнату вошла русоволосая женщина в синем с золотыми узорами халате до лодыжек. Не старая, но и не так, чтобы молодая – под тридцать. А то за тридцать – у богатых тела изнашиваются медленнее. Красивая. Не той пышной красотой знойного лета, что нравилась Траю, но всё равно красивая. Длинные ноги, узкая талия – слишком узкая для высокой, почти как у Кветтины, груди, прямой нос, тонкие губы, глаза цвета майского неба. Женщина несла серебряный поднос с тремя маленькими чашечками с тёмным дымящимся напитком.

– Добрый день! Кофе для гостей. Или, может быть, принести херес?

– Не нужно, – совсем уж хмуро ответил Ламавин.

Женщина улыбнулась, поставила поднос на стол, кивнула гостям на прощанье и вышла. Ардис проводил её взглядом до самой двери. Трай готов был поклясться, что смотрел он не куда-нибудь, а на маленькую округлую попку женщины.

– Ну, пейте уж, раз принесла, – пробормотал Ламавин. Показывая пример, поднял чашечку, поднёс ко рту.

Трай взял угощение. Чашечка была из настоящего фарфора, белого, гладенького, приятного на ощупь. Не то что пить из такого, но и держать в руках подобную красоту ему прежде не доводилось. Лишь издали видел, на витринах самых дорогих городских лавок. Осторожно – не уронить бы! – пригубил. Кофе он тоже прежде не пивал – заморский напиток, дорогой. Капоши в последнее время даже чай себе не позволяли, сушёную траву заваривали. Кофе оказался горьким и горячим. Но вскоре Трай ощутил во рту приятное послевкусие и передумал отставлять чашечку.

Ардис к изысканному напитку не прикоснулся. Вместо этого набросился на хозяина с расспросами.

– Погоди-ка, Мави, это ж не служанка приходила, а? Это жена бакалейщика... тьфу ты! Жена Фальнара?

– Угу. – Ламавин и глаз не поднимал. – Госпожа Эдаль.

– Ты ж говорил, они в Княжград ехать хотели?

– Фальнар и уехал. А жену не взял с собой, развелись они. Детей у них нет, подали прошение градоначальнику, тот гербовую печать шлёпнул, и вся недолга.

– А тут она чего делает?

– Живёт! Фальнар ей за развод половину дома и половину лавки отписал.

Трай чуть не поперхнулся от такой новости.

– Вот дела. – Ардис почесал в затылке. – Выходит, облапошил тебя бакалейщик, а? Ты ж говорил, он тебе всё имущество оставляет?

– Он всё и оставил – всю свою недвижимость. Только не знал я, что он перед самым отлётом в Небесье располенил его! Если б он раньше развёлся, хотя бы на пару деньков! До того, как я его бумаги глядел...

Ламавин тяжело вздохнул, шумно отхлебнул кофе. И Трай сделал глоток. С менами всегда так – того и гляди обмишурят, в них каждый свою выгоду ищет. Насильно заставить меняться нельзя, но обхитрить – можно, этого Небожители не запрещают. Удача, она удача и есть.

– И чего ты делать станешь? – допытывался Ардис. Ламавин молчал. – Так ты с ней поделись! Раз у вас по половине, то пусть она тебе отдаст свою часть дома, а ты ей – лавки.

– А жить я с чего стану? Без торговли-то?

– Тогда наоборот, дом ей отдай.

– А где жить, пока на новый заработаю? В лавке ютиться? Несolidно это, клиентов теряю. – Ламавин помолчал, нехотя добавил: – И не смыслю я пока во всех этих бумажных делах, а она здорово соображает. Фальнар как женился на ней, так торговля у него разом в гору пошла, и дом новый отстроил, и на Княжград монет накопил. И мне надобно накопить побыстрее, чтоб назад меняться. А если я ей дом отдам – она его продаст, новую лавку откроет, всех покупателей к себе переманит. Не, врознь нам пока никак нельзя.

Правильно он рассуждал, умно, но был в его словах какой-то подвох. Ардис не почуял, зато Трай, пусть не мгновенно, но уловил:

– Послушай, как же ты сам торговать собирался? Или не сам? Так ты знал, что госпожа Эдаль с мужем в Княжград не поедет?

Ламавин опять вздохнул:

– Фальнар сказал, что она останется, поможет торговлю начать. Я ж не знал, что он ей половину имущества отпишет!

Ардис захохотал:

– Так ты сам себя перехитрил, выходит? Ты думал, она на тебя задарма работать станет? Хитрован! Слушай, а чего она сама-то хочет?

– Я почём знаю? Тока зубы скалит и помалкивает. Ну, ужином вчера покормила, как я сюда переехал. И нынче – завтрак, обед, полудник.

– Спали вы тоже вместе? В одной кровати?

– Не, у них две спальни, отдельные... у нас, вернее.

– Да? – Ардис лукаво посмотрел на него, потом на Трая. Предложил: – Слушай, Мави, а ты женись на ней. Конечно, она не молодка, но баба в соку, теперь тебе в самый раз. А то для сестрёнки ты староват, пожалуй.

Ламавин засопел с такой яростью, с такой злостью уставился на приятеля, что чуть ли не зарычал. И Трай понял – они с Кветтиной сговорились о женитьбе. Ардис не ошибся тогда, в овражке, желание сестры угадал. И желание это сбылось – с таким богатым женихом девушке меняться надобности нет... Ха, сбылось! Это пока вилами по воде писано. Вряд ли бывший рыжий рассказал невесте о госпоже Эдали. И вряд ли Кветтина обрадуется такой соседке по дому.

Кофе больше не казался горьким. Трай допил его и улыбнулся.

Откладывать дела в долгий ящик он не стал, в тот же вечер отправился на Грязную улицу поговорить с Кветтиной. Улица вполне заслуживала своё название. Узенькая, немощёная, на каждом шагу – кучи отбросов, вонючие сточные канавы, домишки такие убогие, что рядом с ними и жилище Капошей казалось почти дворцом. А сразу за ней – погост, чтобы покойников далеко не возить. На Грязную улицу переселялись законченные безудачники, которым катиться дальше некуда, кроме как в могилу.

Впрочем, умирали не только жители Грязной улицы. Родители Трая сюда не переселились, до последнего цеплялись за свой домик на Голубиной. Словно надеялись – не переселятся на Грязную, значит, успеют выкарабкаться, накопить монет. Не успели... Там же на Голубиной до сих пор жили и родители Ламавина. Зато мама Ардиса и Кветтины после смерти мужа сдалась быстро. Вырастить в одиночку двоих – какая уж тут надежда?

Приходить на Грязную Трай не любил. Из-за вони, грязи... и вообще. Плохо здесь было. Вокруг – одни дряхлые больные старики, ожидающие смерть, да их дети, спешащие повзрослеть и найти мену. Друзья тоже его сюда не звали, предпочитали сами приходить на Глиняную. И уж тем более не приглашали зайти в свою халупу, где в единственной комнатухе ютились всей семьёй. Но сегодня случай был особенный. Ждать до утра, подстергать Кветтину у рынка,

где та подрабатывала разносчицей кваса, Трай не мог. Он должен опередить Ламавина, пока тот раздумывает, что делать.

Однако новоявленный бакалейщик оказался на диво проворным. Едва Трай свернул в Мясной переулочек, как увидел: Кветтина и Ламавин стоят под старой акацией и о чём-то разговаривают. Пухлая волосатая рука бакалейщика обнимала девушку за плечи, чего доброго, и целоваться начнут. Представить, что Кветтина целует толстого пятидесятилетнего дядьку отчего-то было особенно противно.

Трай поспешно юркнул за угол ближайшего дома. За забором тут же звякнула собачья цепь, пёс тявкнул было, но лаять всерьёз не захотел. Видно, решил, что Трай на воришку не похож. О чём говорят те двое, слышно не было, потому Трай старался догадаться по выражениям лиц. У Ламавина оно было хмурым и просительным, у Кветтины – хмурым и возмущённым. Нет, целоваться точно не станут.

– Ты же обещал! – выкрикнула девушка так громко, что в нескольких ближних дворах тявкнули псы.

Ламавин снова принялся что-то втолковывать. Кветтина слушать не захотела, дёрнула плечом, вывернувшись из объятий и, бросив что-то обидное кавалеру напоследок, быстро пошла вдоль переулочка. Ламавин помедлил, потом, опустив плечи, поплёлся в обратную сторону.

Убедившись, что приятель не оглядывается, Трай выскочил из укрытия и припустил вслед за девушкой. Догнал в самом конце Мясного, там, где тот упирался в пустырь, отделяющий его от Грязной улицы.

– Квета, погоди!

Девушка быстро обернулась, удивлённо приподняла брови. Улыбнулась:

– Ты откуда здесь взялся?

Врать, зачем он здесь, Трай не собирался:

– Хотел рассказать тебе новости о Мави, а ты, наверное, и сама знаешь. Я видел вас там, под акацией.

– А-а-а... – Улыбка сошла с лица девушки. – Знаю. Вот свинья! Ты представляешь, что он предложил? Пусть, говорит, госпожа Эдаль у нас в доме поживёт, комнат, мол, много. А то ей, видите ли, идти некуда, а имущество разделить они пока не могут!

– И ты что, не согласилась?

– Нет, разумеется! Что я, эту Эдаль не знаю? Как облувленную! Я ж два года назад, когда они дом новый отстроили, ходила помогать прибираться. Я всё видела! На неё все городские вельможи маслеными глазками смотрят, даже градоначальник. Да он самолично приезжал у неё в лавке сахар и кофей покупать! Можешь себе такое вообразить?!

Трай покачал головой. Такое он себе вообразить не мог. Чтобы сам градоначальник в бакалейную лавку ходил... Что ж в этой госпоже особенного? Красивая, но мало ли женщин красивых в городе! Будь она лет на десять моложе, ещё туда-сюда... да и то! Или она чарам каким обучена? Да нет, на него же они не подействовали, ему Квета как нравилась, так и нравится...

– Спать с ней в соседних комнатах, – продолжала изливать душу девушка, – ишь чего удумал! Видно, нацелился под юбку к ней залезть. Нет уж! Я ему так и сказала – либо она, либо я!

– И что он ответил? – затаил дух Трай.

– А что он ответит? Прячет глаза и бормочет: «Ты, понятное дело! Только подождать годик придётся, или два. Чтоб монет заработать и откупиться от неё». Да я не выдержу два года в этой убогости! Что мне теперь делать?

У Трая было предложение – что делать. Нужно решаться, сейчас или никогда! Он набрал в грудь побольше воздуха и выпалил:

– Квета, я тебя люблю!

Девушка улыбнулась. Придвинулась ближе, положила ладошку ему на грудь.

– Я знаю. Я тебя тоже люблю. И дальше?..

«И дальше»? Трай осторожно обнял её, привлёк к себе, наклонился, коснулся губами губ. Губы у Кветы были такие вкусные!

– погоди... – Девушка отстранилась. – Ты ведь мне ещё что-то хотел сказать? Кроме того, что любишь.

– Да! Давай поженимся!

– Я согласна, – тут же кивнула Кветтина.

Трай опешил. Он готовился долго и красноречиво уговаривать избранницу, заранее смирился, что с первого раза ничего не выйдет, и он будет просить её не отказывать с ходу, подумать. И вдруг – согласна!

– Надо подыскать тебе менщика. – Кветтина не давала опомниться. – Чтобы состоятельный был, нежадный и не сильно старый. Найдём, ты вон какой красавчик!

Трай под таким напором лишь рот успевал открывать как рыба на берегу. Еле сумел возразить:

– Зачем мне меняться? Мы и так...

– Как это – «так»? А жить мы где будем?

– Я поговорю с мастером Капошем...

– Что?! В той халупке? И чем она лучше мамкиной? А дети народятся? Нет, Трай, не говори глупости. В молодости все меняются, чтобы подзаработать.

– А я не хочу.

Кветтина отступила на шаг, упрямо стиснула губы. Кивнула:

– Что ж... пусть будет по-твоему. Я себе мену найду! И если ты потом откажешься от своих слов, мол, я слишком старая для тебя... Клянусь Небесами, я уйду к этой свинье Ламавину и стану жить и с ним, и с его...

Она не договорила, развернулась и побежала к Грязной улице. Трай не решился бежать за ней.

Глава 4. Ардис

Через три дня Кветтина исчезла. Трай узнал об этом от её брата. Ардис ворвался во двор гончара, громко хлопнул калиткой, заорал:

– Сестра у тебя? Она дома не ночевала!

Трай с мастером Капошем как раз месили глину, и госпожа Капошева была неподалёку. Оба, и хозяин, и хозяйка, с недоумением посмотрели на неожиданного визитёра. Затем – подозрительно – на Трая.

– Нет, – сконфуженно покачал головой он.

Ардис удручённо вздохнул, вытер пот со лба.

– И у Мави нету. Ума не приложу, где её искать? Главное, не сказала ничего. С утра ушла на рынок, и больше её никто не видел.

Трай покосился на Капошей, напомнил:

– Вчера дирижабль в Небесный Город улетел.

– Так что с того? – не понял приятель.

Пришлось рассказывать – при Капошах! – о разговоре трёхдневной давности. Едва Трай закончил, как понял, что все трое смотрят на него с укоризной. Не поступают ведь так, мужчина всегда меняется первым, а женщине детей родить нужно и выкормить – пока молодая это и легче сделать, и здоровее. От их взглядов Траю стало совестно, хоть, если разобраться, в чём его вина? Не просил он Кветтину меняться, та сама так решила, упрямая.

– Ладно, – Ардис махнул рукой, – подождём, пока вернётся.

Но спустя два дня, когда дирижабль вернулся из Небесного Города, Кветтины на нём не оказалось. Не прилетела она и следующим рейсом. Стало ясно – что-то стряслось. Ардис и Трай попытались выяснить, с кем девушка уговорилась меняться. Почти неделя ушла, чтобы найти всех, кто летел тем рейсом, но это ничего не дало – у каждого имелась пара. Зато бортовой на дирижабле легко опознал Кветтину по описанию – ещё бы, не каждый день такие цыпочки летают. Получалась полная несуразица – девушка отправилась в Небесный Город в одиночку, без менщицы. Рассчитывала, что кто-то из тамошних служительниц на её обличье позарится? Шесть форинтов не пожалела – проезд оплатить, – на одну удачу надеясь? Но если и так, почему не вернулась после мены? Или до сих пор в Небесье слоняется, ищет менщика? Да не может такого быть! Жизнь в Небесном Городе дорогая невероятно, об этом все знают. Чтобы полмесяца угол снимать и столоваться, золотой марки не хватит! Кветтина золота отродясь в руках не держала.

Оставалось одно объяснение – девушка нашла-таки себе менщицу в Небесье, но в родной город возвращаться не захотела. Придумал его Ламавин и сам же поспешил поверить в придумку. Но Ардис и Трай верить не спешили. Кветтина из-за одного упрямства вернулась бы и напомнила Траю о его обещании. Возможно, потом и отказала, но предложения руки и сердца добились бы. Нет, лишь очень веская причина могла не пустить её домой. Ардис считал, что причина находится в самом городе, Трай – что объяснение следует искать в Небесье. Как ни странно, прав оказался Ардис.

Парень перетряхнул всех, кто знал его сестру, даже к околоточным сумел подкатить, даже к рыночным мытарям. И нашёл-таки след. Кто-то видел, как накануне отлёта с Кветтиной разговаривал незнакомец, долго разговаривал. Кто-то обрывки фраз услышал – говорили о мене. Кто-то запомнил, как незнакомец выглядит – высокий моложавый мужчина, одетый неброско, но богато. Кто-то знал, что он снимал номер в гостинице. Кто-то подслушал, куда он собирается ехать дальше. Судя по всему, незнакомец путешествовал по их краю и намеревался добраться до самого побережья. Неторопливо, обстоятельно изучал каждый городок на пути, каждую деревеньку.

Когда Ардис рассказал это Траю, тот вздохнул с досадой:

– Значит, нашла она богатого жениха...

– Так-то оно так... Если б она тебе и толстопузому ничего не сказала, я б ещё и посмеялся над вами. Если б мне – махнул бы рукой, пусть катится к лешему! Но она мамке ничего не сказала. А знает ведь, что мамка больная, что не переживёт такого удара. Не, мамке она обязательно шепнула бы по секрету, порадовала – если б и впрямь жениха денежного подыскала.

– Может, не успела сказать? Или он не позволил, жених этот.

– Не, тут иное. Хитрость какая-то нехорошая. А я хитростей не люблю. Я вот думаю догнать этого «жениха», – обличье его мне хорошо изобразили, узнаю, – да и расспросить, чего такого он сестрёнке посулил.

– Как ты его догонишь? У него двуколка, а ты где лошадь возьмёшь?

– Мы и пёхом успеем. Он в каждом городке на неделю останавливается, да в каждой деревушке – хоть на полдня. Эдак он разве что к зиме до побережья доберётся. Мы его куда раньше нагоним!

Трай с сомнением покачал головой.

– Вряд ли...

– Как знаешь. А я мамке в глаза смотреть не могу, мне сестрёнку обязательно разыскать нужно. Завтра прямо с утра и пойду. Если надумаешь компанию составить – ожидай на южной дороге у околицы.

Трай не спал всю ночь, размышлял. Раз за разом в памяти всплывал их последний разговор с девушкой, её упрямый взгляд, стиснутые губы. К рассвету он окончательно поверил – Ардис прав, с Кветтиной стряслась беда.

За первый день они отмахали вёрст сорок. В деревнях, что попадались по пути, расспрашивали о незнакомце на двуколке. Деревня не город, здесь каждый чужак на примете. Богатого и разговорчивого барина, щедро раздававшего медь молодым беднякам, запомнили, так что к концу дня Трай почти согласился с доводами приятеля – пожалуй, они и правда смогут отыскать этого прощельгу. А когда на третий день они пришли в Хляби и выяснили, что незнакомец провёл здесь полторы недели, стало ясно, что догонят они его раньше, чем доберутся до границы округа. Если будут поторапливаться, конечно.

Однако поторапливаться не выходило – у Трая ноги гудели с непривычки. Ардис успокаивал – мол, потопашь так денька три-четыре и втянешься! Наверное, прав он был, но пока что не «втягивалось», и на следующий день Трай не смог пройти отмерянное расстояние. До деревушки, где решили заночевать, оставалось вёрст пять, а ноги уже не держали.

– Ард, постой! – Не выдержав, Трай окликнул оторвавшегося на добрых двадцать шагов товарища. – Давай привал сделаем.

Ардис оглянулся, почесал в затылке. Ответил неуверенно:

– Так смеркается, спешить нужно, чтоб засветло успеть. А сядешь, только хуже будет. Не встанешь потом.

Трай от этих доводов отмахнулся, как от назойливой мухи, сошёл на обочину, поковылял к старому раскидистому дубу. Сбросил на траву сумку и сам рухнул, опёрся спиной о толстый шершавый ствол, вытянул ноги. Сразу полегчало. Ардис потоптался на месте, затем подошёл, присел рядом. Ничего не сказал, лишь вздохнул обречённо.

По обе стороны от дороги раскинулась дубрава. Они шли сквозь неё с пол часа, и кто знает, сколько ещё она будет тянуться? Может, до самой деревни. Кряжистые вековые исполины нависали над наезженной колеёй, переплетались ветвями. Здесь и в полдень было сумрачно, а сейчас, когда солнце опустилось к самому горизонту, подавно. Часа не пройдёт, как глухая ночь настанет.

– Я немного посижу, и пойдём, – виновато пообещал Трай.

Ардис помолчал, оглядываясь по сторонам. Вдруг предложил:

– А давай прямо тут заночуем?

– В лесу? – изумился Трай.

– А чего? Ночи пока тёплые, не замёрзнем. И пару монет сэкономим.

Траю прежде не доводилось ночевать в лесу. Без крыши над головой – да, бывало, но в городе. Тем не менее возражать он не решился. Ардис, должно быть знает, что говорит.

Тот уже вскочил, побежал вглубь леса, крикнул:

– Тут полянка подходящая! Глянь-ка, и сушняк есть. Счас я костерок соберу.

Пока Трай нашёл в себе силы подняться, доковылять до облюбованной другом поляны, тот и веток наломал, и сложил их, и кресалом искру высек. Весёлые язычки пламени побежали по веточкам, затрещали, и лес вокруг перестал казаться мрачным и угрюмым.

– Ты за костром следи, – распорядился Ардис, – а я дров подсоберу, пока вконец не стемнело. Чтоб до утра хватило. А то мало ли, какое тут зверьё водится!

Ночёвка в лесу – совсем не то, что где-нибудь в подворотне или на чердаке. И запахи здесь иные, и звуки. Впрочем, звуков было мало: птицы умолкли, ветер стих – ни один листик не шелохнётся. Только сверчки стрекочут, да время от времени стрельнёт уголёк в костре. Да ещё шуршит неподалёку Ардис. Трай понял, что если положит голову на котомку, то мигом уснёт...

– Трай, Трай, глянь, чего я сыскал!

Трай встрепенулся, дёрнул головой, отгоняя дрему. Ардис стоял рядом, протягивал какие-то короткие гладкие веточки и тряпки. Трай взял их... куда сон и подевался?.

– Это же цветные грифели! А это...

Ясное дело, белые прямоугольные листы были вовсе не тряпичными. Плотная бумага, намокшая, а после высохшая. На одной стороне листа – колонка букв, закорючек и цифр, на другой – портрет. Мужские и женские лица, все молодые, красивые. Нарисованы так искусно, что Траю завидно стало.

– Ух ты... Где нашёл?

– А там, за лещиной. Прямо в траве валялись. Кажись, ещё есть, но в кустах темень, не разглядеть. Оп-па...

Он выхватил один лист из рук Трая. Вгляделся внимательнее в изображение, затем посмотрел на друга. Снова на лист. Присвистнул:

– Глянь, да это ж твоя рожа намалёвана. Точно!

Трай посмотрел. Ардис не ошибся – на листе был его портрет. Он живо перевернул лист. Смысл большинства пометок не ясен, но кое о чём догадаться можно: «19» – его возраст, а «71» – рост в дюймах.

Трай выхватил из костра ветку, поднялся на ноги:

– Идём!

В траве за кустами орешника в самом деле валялись листы, одни с портретами, другие чистые. Трай собирал их, внимательно разглядывая лица. Знакомых вроде не было...

– Трай, сюда иди! – радостно сообщил Ардис, забравшийся в самые заросли. – Тут сумка!

Трай поспешил к нему, едва не наступив на очередной листик. Хотел оставить, потом всё же передумал, наклонился, посветил сделанным наскоро факелом... С листа бумаги на него смотрела Кветтина.

Он опустился на колени, не решаясь притронуться к картинке. Несомненно, это была Квета. Чуть курносая, с круглыми щёчками, густыми ресницами и ямочкой на подбородке. Портрет был сделан так же искусно, как остальные, но в правом верхнем углу листа зачем-то начертили жирный крест.

– Трай, ты где там застрял?! – с нетерпением крикнул Ардис. – Тут такое! Иди глянь!

Трай осторожно поднял лист с портретом любимой, побежал к кустам. На ходу сообщил:

– Я тоже нашёл! Тут и Кветы портрет есть!

– Э-э! У меня кое-чего поинтереснее портретов.

Кусты орешника облюбовали склон неглубокой лощины. Ардис стоял на самом дне её, держал в руках какой-то баул и разглядывал... Трай подошёл ближе, стараясь понять, что за сооружение перед ними.

– Слушай, это ж того проходимца, а? – обернулся к нему Ардис. – Его двуколка?

И верно – это была двуколка, перевёрнутая кверху дном. Одно колесо отвалилось, потому Трай не сразу признал, на что смотрит.

– А ну посвети сюда, – распорядился Ардис. – Точно, его, всё, как описывали. Выходит, и картинки его? Выходит, он рисовальщик вроде тебя?

Трай хмыкнул:

– Нет, не вроде меня. Портреты видел? Получше, чем на именных грамотах будут. И когда он меня запечатлеть успел, я ж ему не позировал? Он настоящий живописец, таких разве что в Небесном Городе сыщешь. Интересно, зачем он нас рисовал?

– Мож, разминался, чтоб малевать не разучиться. Мне другое интересно: что здесь приключилось?

– Волки напали? – предположил Трай. – Лошадь понесла, двуколка перевернулась. Он постромки обрезал, верхом вскочил и дёру. Даже баул с портретами бросил.

– А после почему не вернулся? – Ардис пошёл вокруг перевёрнутой двуколки. Вдруг замер, попятился. – Не, Трай, не правда твоя. Никуда он не ускакал. Тут он.

Трай шагнул к нему, и тотчас в нос ударил отвратный смрад падали. За двуколкой лежал, зарывшись лицом в прелую прошлогоднюю листву, босой человек в кальсонах и исподней рубахе. Судя по запаху, лежал давно, не меньше недели.

Трай сглотнул подкативший к горлу комок тошноты, тоже попятился.

– Я же говорю – волки...

– Угу, и раздели его волки. – Ардис посмотрел на баул, который всё ещё держал в руке, швырнул под двуколку. – Пошли лучше отсюда, а? Не хочется мне чегой-то в этом лесу ночевать.

И Траю не хотелось. От увиденного сил словно прибавилось, даже ноги ныть перестали. Так бы и улепетнул до ближайшей деревни, не останавливаясь.

Приятель выбрались из лощины, продрались сквозь заросли. Хотели бежать напрямик к дороге, видневшейся смутными просветами между деревьями, но тут Ардис вспомнил – сумки остались возле костра! Пришлось повернуть в обратную сторону.

Они вывалились на поляну и застыли. У костра сидел плешивый горбатый человечек и по-хозяйски рылся в их сумках. Добрался до гречаных лепёшек, заурчал по-звериному, выхватил разом две, запихал в рот.

– Эй, ты что вытворяешь?! – возмущённо заорал на него Ардис. – А ну покладь сумки, пока я тебе по шее не навалял!

Человечек обернулся и внезапно выщерился, показывая зубы, вернее то, что у него было вместо зубов – гнилые пни и обломки. Проблеял:

– Испужал, как есть испужал! Гляди, чтоб в штаны не навалял от натуги!

– Ах ты паскуда! – возмутился такой наглостью Ардис. Рванул к ворюге...

– Так-так-так, – неожиданно раздалось за спинами у парней. – И что у нас нынче за гости?

– Два щенка мокрогубых. Глупые. Видать, их только от мамкиных титек отняли.

Вслед за парнями на поляну вышли ещё двое. Нет, трое... четверо?... Шестеро! Близо к костру незнакомцы не подходили, так что рассмотреть их не получалось. Трай и Ардис, потерявший боевой задор, прижались друг к другу.

– Ты, долговязый, палку брось! – скомандовал передний из пришельцев, по всему видно – вожак.

Трай безропотно отшвырнул тлеющую ветку в сторону.

– Молодец. Теперь отвечайте – что вы здесь делаете?

– Мы... мы просто идём по дороге! Мы ничего не видели!

– Хорошо, что не видели. А это что у тебя?

Трай растерянно посмотрел на листы с портретами.

– Это... мы нашли тут рядом, – поспешил оправдаться Ардис. – Дрова собирали и нашли. Мы отдадим!

– Мусор этот можешь себе оставить, – хрипловато засмеялся вожак, – а вот монеты отдайте. И ступайте, куда шли.

Парни переглянулись. Монеты у них были – у Ардиса в кожаном кошелье под рубахой лежало форинтов на пять серебряных марок: Ламавин расщедрился, выделил на поиски бывшей невесты. Но признаваться в этом грабителям не стоило.

– У нас нету ничего, – покачал головой Ардис.

– Брешешь! В дальнюю дорогу без монет за пазухой не уходят. А вы не здешние.

– Да хватит с ними балясы точить! – взвизгнул сиплым надтреснутым голосом стоявший рядом с главарём бандит. – Валить их, и всех делов!

– Не трогайте нас, мы такие же бедняки, как вы! – взмолился Трай.

Бандиты в ответ захохотали. Точнее, забулькали, закричали, словно проворачивались давно не смазанные шестерёнки в огромных часах. Смех этот никак не подходил крепким здоровым дядькам. Так смеяться могли разве что...

– Щенки вы молодые, а не бедняки! – взвился сиплый. – Гоните монеты, быстро! Вы себе наменяете, вон рожи какие гладкие, лоснятся! Быстро, я сказал, если дожить до меня хотите!

Он выхватил из-под рваной одежды кинжал. Длинный, остроконечный клинок зловеще сверкнул в сполохах костра. Трай передёрнул плечами от мгновенного озноба, Ардис неуверенно пробормотал:

– Ты ножик-то спрячь. Знаешь, что за такие дела бывает?

Бандиты опять засмеялись. Они успели обступить приятелей полукругом. Сидевший у костра горбун дурашливым голоском проблеял:

– Нет, не знаем, что бывает. Ну-ка поучи нас!

Ардис покосился на него через плечо:

– Вот попадёте в Небесный Город, там Небожители вас мигом на чистую воду выведут! От них ничего не утаишь. Если узнают, что... – он осёкся, но собрался с духом, чтобы закончить: – ...порешили кого, так враз скрутят и княжьей страже выдадут. А у тех разговор один – петлю на шею.

Бандиты заржали пуще прежнего. Сиплый выкрикнул сквозь смех:

– Да плевал я на них на всех, понял? Один хрен мне Небеса не светят!

Он сделал два шага в круг света, отбрасываемого костром, и Трай наконец смог его разглядеть. Лицо бандита походило на печёное яблоко: потемневшее, изрезанное морщинами, всё в каких-то пятнах. Вдобавок бельмо на левом глазу и лысый, такой же пятнистый череп. Человек этот был не дядькой средних лет, как показалось сперва, а стариком. Но кинжал узловатые пальцы держали крепко.

Вожак тоже шагнул вперёд. Впалые щёки, костистый нос крючком, редкие седые волосы, зубы выпирают наружу сквозь тонкие губы. У Трая ноги налились свинцом и зашевелились волосы на затылке. Теперь он понял, с кем довелось встретиться. Огрызки! Законченные неудачники, не желающие безропотно дожидаться смерти. Жизни у них осталось так мало, огрызочек самый, что они разучились ценить её – и свою, и чужую. Точно в древние времена... Княжья стража истребляла огрызков как сбесившихся собак, а если какого удавалось поймать живьём, то его принародно вешали на лобном месте – для острастки. Трай, бывало, жалел бедолаг... а они его пожалеют ли?

Будто отвечая на его вопрос, сиплый взвизгнул:

– Что, думаете, мы сдохнем скоро?! Может, и скоро, да всё одно позже вас! Вали их, ребята!

Огрызки всей толпой бросились на друзей, не дожидаясь команды главаря. Или Трай ошибся, и как раз сиплый был главарём этой шайки? Размышлять времени не оставалось – ближайший к нему бандит замахнулся сучковатой дубиной... и не удержался на ногах, споткнулся, грохнулся оземь, выронил своё оружие. А Трай с внезапной ясностью осознал: это же дряхлые, слабые старики! Неужто они, два молодых, сильных парня, не сумеют отбиться?

Страх отступил.

– Прочь, уроды!

Трай подхватил дубину, отбил удар одного, с размаху огрел по рёбрам другого, так, что тот хекнул и согнулся пополам. Ардис, глядя на приятеля, приободрился, вспомнил, что слышит лучшим драчуном в Берестовье. Заорал благим матом, принялся орудовать тяжеленными как кувалды кулаками. Огрызки полетели в стороны словно тряпичные куклы.

Трай опомниться не успел, как поляна опустела. Трое бандитов – седовласый вожак в том числе – сбежали, проявив неожиданную прыть, двое валялись недвижно, ещё двое пытались уползти в спасительную темноту леса. Трай опустил испачканную кровью дубину, несмело шагнул к лежащему на земле огрызку. Он не знал, что надлежит делать – попытаться помочь, добить или предоставить того судьбе.

Зато у Ардиса таких сомнений не было. Ему хотелось одного – отплатить за пережитый страх. Догнал пытающегося уползти доходягу, схватил за плечо, примерился. Впечатал кулаком голову в землю, аж хрустнуло.

– Оставь их, – слабо запротестовал Трай.

– Да они всё одно покойники! Им давно пора червей кормить, а не честных людей грабить. Зажились!

Второго он догнал на самом краю поляны. Присел, замахнулся – доходяга отчаянно заскулил, попытался увернуться, закрыться от удара... И вдруг закричал Ардис. Отшатнулся, выпуская жертву, и тот мигом юркнул в спасительную темень леса. Трай застыл на мгновение, не понимая, что стряслось, затем бросился к другу. Ардис сидел на траве, прижимал к животу руки и выл – по-звериному.

– Что... что с тобой?

– Ножик у него...

В пылу драки они начисто забыли о кинжале сиплого! А тот не потерял оружие, не выпустил. И хоть не успел воспользоваться, получив дубиной по рёбрам, а после и вовсе сбитый с ног зубодробительным ударом в челюсть, но часа своего дождался.

– Куда он тебя резанул? – Трай с ужасом уставился на тёмное пятно на рубахе приятеля.

– По руке... пальцы... – просипел тот. – Он его выставил, а я схватил сторяча. Не сообразил, чего это.

У Трая отлегло на душе. Пальцы – не страшно. Он быстро оторвал подол рубахи.

– Давай перевяжу, чтоб кровь остановить.

Ардис покорно протянул левую руку, разжал ладонь. И Траю вновь сделалось нехорошо. Двух пальцев – указательного и среднего – не было, только кровавые обрубки на их месте. Да и безымянный заметно укоротился.

Стиснув зубы, он как мог завязал другу руку. Оставленный без присмотра костёр прогорел, на поляну напоззли густые сумерки. Трай затравленно оглянулся на непроглядную чащу леса. Где-то там прятались по крайней мере четверо отчаянных, готовых на всё татей. Кто знает, что они придумают, лишь бы не выпустить свои жертвы живыми. Следовало убираться отсюда как можно скорее.

– Ты до деревни дойдёшь? – обеспокоенно спросил он у друга.

Ардис кивнул.

В деревню они приплелись далеко за полночь, постучали в первую же избу. Оборванных, перемазанных кровью парней вначале пускать не хотели, грозили собак спустить. Однако полдюжины форинтов своё дело сделали. Оказалось, что в деревне даже фельдшер собственный есть. Фельдшер промыл Ардису раны, приложил к ним какие-то снадобья, забинтовал чистой тряпицей. Парней накормили горячим бульоном и уложили спать на сеновале.

Трай долго ворочался с боку на бок. Думал, и вовсе глаз сомкнуть не получится – недавно пережитое клокотало внутри. Но потом навалилась скопившаяся за день усталость, да и деревенская тишина, пьянящий аромат свежескошенного сена пришлись кстати. Не заметил, как уснул.

А проснулся от скрипа и поскуливания. Открыл глаза. На улице было уже светло, так что Трай сразу разглядел стоявшего в дальнем углу сеновала Ардису. Приятель что-то делал с поддерживающей крышу балкой. Трай присмотрелся и понял, что именно тот делает – прилаживает связанную из ремня петлю! Рывком сел:

– Ты чего надумал?!

Ардис оглянулся, и Трай глазам своим не поверил – его друг плачет! Никогда он не видел его плачущим, даже в детстве.

– Рука сильно болит? – спросил растерянно. – Потерпи, лекарь сказал, заживёт.

– Заживёт?! – плаксиво выкрикнул Ардис. – Да пальцы-то не отрастут! За такое тело никто хорошую мену не даст, разве что старик какой или калека. И что мне делать, а? Всю жизнь мешки таскать как отец? Так у него хоть надежда была, а у меня? Я уже безудачник, понимаешь? Ни разу не менялся – и безудачник!

Он отмахнулся от подступившего к нему Трая, уселся на сено. Ремень с петлёй на конце так и остался висеть на стропилах.

– Что ж это за жизнь такая, а? Кветка пропала – теперь уж её не найти, все концы обрезаны. Вдобавок и сам беспальным стал. Мамке как на глаза покажусь? Если она мою руку увидит, так точно помрёт. Чего мне делать, а?

Трай не знал, что ответить. Остаться без пальцев – беда, конечно, но не укорачивать же себе жизнь из-за такого? И на поисках Кветтины рано крест ставить. А мама... маму жалко. Но что тут поделаешь – вон, у него родители тоже умерли. Нет, отчаяние друга Трай разделить не мог. Потому и утешить не мог. Если только... Ляпнул, сам не до конца соображая:

– Давай поменяемся, если хочешь.

Всхлипывания мгновенно затихли. Ардис недоверчиво уставился на него.

– Ты на мену согласен? А это как же? – выставил забинтованную руку. Замотал головой. – Не, не нужно. На что тебе из-за меня судьбу портить?

– Подумаешь! Мне, чтобы рисовать, левая рука не требуется.

Ардис помолчал. Затем лицо его расплылось в счастливой улыбке.

– И верно. Ты ж рассказывал, что всё одно вперёд меняться не хочешь. – Тут же снова озабоченно нахмурился. – Но учти, у меня доплатить нечем.

– Да ты что? – возмутился Трай. – Я с тебя доплату не возьму. А на пошлину и проезд у нас монет хватит.

– Хватит, – подтвердил Ардис. Деловито предложил: – Только давай домой вертаться не будем, пока не поменяемся. Из Хлябей дирижабли в Небесье тоже летают.

Глава 5. Мена

Как медленно и трудно путешествовать, когда идёшь пешком, и как быстро и легко это делать на дирижабле! Весь первый день полёта Трай не отходил от иллюминатора, затаив дыхание следил, как проплывают далеко внизу зелёные пятна лесов и рощиц, жёлтые и тёмно-серые прямоугольники убранных полей и огородов, сине-серебристые ленты рек и зеркала озёр, крохотные домишки городов и деревушек. А людей с такой высоты и вовсе не различишь! Весь их округ – да что там округ! всё Великое Княжество Тарусия – были у него словно на ладони. Вовсе их мир не такой огромный, как представлялось. Три дня они топали до Хлябей, а полетели – и трёх часов не прошло, как родное Берестовье проплыло чуть в стороне. А за три дня и до самого Панджвур долетели бы! Но дирижабль держал курс не на лежащий где-то за южным морем султанат – в противоположную сторону.

Траю летать на дирижабле понравилось, зато Ардис полёт переносил плохо. От еды отказывался, его постоянно мучило, так что и с гамака почти не вставал. Трай сперва испугался, побежал за бортовым, но тот отмахнулся. Сказал, что болезнь эта известная, сродни морской. Никто от неё пока что не помирал, только каюты после таких пассажиров особенно тщательно драить приходится. Хорошо, что Ардис ничего не ест – всё одно выблюет. Дал какой-то порошок, объяснил, как принимать, и отправил Трая восвояси.

Порошок Ардису помог мало, но на счастье путешествие было недолгим. Утром второго дня на горизонте показался Княжград. Город раскинулся на обоих берегах широкой реки, связанный в единое целое добрым десятком мостов. На высоком холме, обрывавшемся к реке неприступными кручами, стоял Верхний Город с Цитаделью, обнесённой древней крепостной стеной. Стена изрядно порушилась – тысячу лет её не обновляли за ненадобностью. Зато дворцы Верхнего Города обновляли часто, да и новые строили. С золотыми куполами и острыми шпилями они возносились над городом и державой как символ нерушимой, извечной великокняжьей власти.

Вокруг холма лежал Нижний Город, тоже богатый и надменный. Утопающие в парках виллы, широкие улицы с белокаменными теремами, каких Трай прежде не видел и даже помыслить не мог, что такие можно построить – в четыре, в пять, а то и во все шесть этажей! И уже далеко, по самым окраинам и на другом берегу распростёрлись Предместья. Мастерские и мануфактуры, доходные дома и постоялые дворы. А дальше – как везде.

Огромен и удивителен Княжград, но Трай лишь вскользь пробежал по нему взглядом. Потому как вверху парил другой город, куда более чудной и прекрасный.

Если бы прежде Трая спросили, как выглядит Небесье, он бы попытался описать нечто подобное Верхнему Городу, построенному не на зелёном холме, а на белых невесомых облаках. И ошибся бы! Похожее на огромный драгоценный камень Небесье пылало в лучах солнца мириадами граней, будто второе солнце на голубом небосводе.

Дирижабль снизил скорость, начал медленно приближаться к причальным башням. Башни Трай прежде видел – и в Берестовье, и в Хлябях. На последнюю ему и подниматься довелось – когда грузились в гондолу. Но те башни основаниями своими стояли на земле и поднимались вверх. А эти – опускались вниз из днища парящего города. Было их здесь не одна, не две... Трай попытался сосчитать, но сбился. Много десятков! Почти на каждой висел дирижабль. С такого расстояния здоровенные металлические рыбы казались сардинками, зависшими под брюхом у кита, мощные лопасти пропеллеров не разглядеть даже. Только увидев их, Трай осознал, насколько огромно Небесье! Если опустится на землю, подомнёт под себя половину Княжграда.

Швартовка заняла около часа, потом бортовые погнали пассажиров к башне. Трай забеспокоился – Ардис совсем ослаб, сумеет ли подняться по лестнице? Но подниматься по лест-

нице не требовалось – внутри башни был устроен лифт с просторной кабиной, вмещавшей сразу десяток человек. «Вжих!» – и они на первом ярусе, в просторной зале. «Дворец Прошений» – светились буквы на транспарантах под потолком. И везде – стрелки, стрелки, стрелки с указаниями: «получать бланки прошений», «подавать прошения», «выдача именных грамот», «ватерклозет». Если бы не эти подсказки, парни наверняка заблудились бы в странном дворце, где не было стен и лишь ряды колонн подпирали кровлю. А какой пол под ногами! Разноцветные плиты подогнаны так искусно, что в шов и кончик ножа не засунешь, и отполированы до блеска. Что это был за камень? Мрамор? Гранит? Малахит? Трай не знал.

Писец, к которому парни подошли, заполнив прошение и выстояв длинную очередь, уставился на них подозрительно.

– Это вы друг с другом меняться надумали, что ли? И кто ж из вас вперёд, а кто – назад?

– Мы одноклассники. Разве так запрещено?

– Нет, отчего запрещено... Только удивительно. Я понимаю, когда мужик с бабой меняется – у знатных бывают такие причуды. – Писец выразительно повертел пальцем у виска. – Но вы вроде оба мужики. Или нет?

– Мужики мы, – насупился Ардис.

– Я и говорю – удивительно. Ладно, меняйтесь на здоровье, коль серебро лишнее завелось.

Он быстро черкнул на прошении. Но едва Трай потянулся, чтобы забрать бумагу, писец покачал головой.

– Вещички здесь оставьте, под роспись. На второй ярус с вещами нельзя. Обратный путь будете, заберёте. Не бойся, парень, у нас всё в строгой сохранности. Ещё ничего не пропадало!

С сумками пришлось распрощаться.

Следующей была очередь в Госпиталь. Они отстояли и её. И попали в маленькую комнату с белыми стенами и белым потолком. Лекарь, строгий дядька лет тридцати – хоть кто знает, сколько жизней он прожил? – для начала велел приятелям раздеться донага. Затем размотал руку Ардиса, поглазнул на обрубки, спросил у Трая: «Видел?» – и когда тот кивнул, пожал плечами: «Что ж, дело хозяйское». Потом лекарь расспрашивал, какими болезнями болели родители и сами парни. Стучал по коленям, слушал через трубочку, оттягивал веко, заглядывал в глотку, заставлял закрыть один глаз, а другим глядеть на значки, нарисованные на дальней стене комнаты, и называть их, шептал еле слышно и требовал повторить вслух. Трай догадывался, для чего всё это. Если один из менщиков задумал утаить недуг, то тут бы это и выявилось. И мысли читать не требуется.

Под конец лекарь проколол им пальцы и выдавил несколько капель крови на стёклышки. Сообщил:

– Если какая-нибудь зараза обнаружится, узнаете после меня. От сделки можно будет отказаться, но виновный заплатит неустойку в шестикратном размере. – Внимательно обвёл их взглядом. – Не передумали?

Парни дружно замотали головами.

– Тогда меняйтесь на здоровье. – И прищёпнул жирную синюю печать на прошение. – Следующие!

Прямо из Госпиталя вела галерея во Дворец Ожидания. У входа вновь пришлось выстоять очередь. Здешний писец забрал прошения с печатью, прочитал внимательно, подколот в пухлую папку, взамен сунул латунный жетон с выдавленными на нём цифрами:

– Держите, по этому номеру вас вызывать будут. Да не провороньте, искать не станут! Если очередь свою прозеваете, вытолкают взащей из Небесья и плату не вернут. Понятно, олухи деревенские?

Куда уж понятней!

Дворец Ожидания не походил на Дворец Прошений. Зала здесь тоже была очень большая, но не бесконечно огромная. И потолок пониже, и стены видны, а главное – вся она была уставлена рядами мягких диванов. Трай хотел было пройтись по зале, поглазеть, что и как, но Ардис повалился на ближайший свободный. Трай обеспокоенно присел рядом:

– Тебе худо? Рука снова болит?

– Не, не рука. Нехорошо мне как-то.

– Это на дирижабле тебя укачало, и не ел ничего. Как из Хлябей вылетели, так и маковой росинки в рот не взял.

– Да, наверно от этого. – Ардис помолчал. Предложил робко: – А давай удерём?

– Куда удерём? – не понял Трай.

– Домой. Тревожно мне тут, боязно.

– Да брось ты! Это у тебя с голодухи. Сейчас найдём, чего пожевать – помнишь, Мави хвастал, мол, здесь кормят даром. Интересно, где?

Он поднялся, пытаясь разглядеть вывеску харчевни или указатель на стенах залы, и тотчас к их дивану поспешил паренёк с тележкой. На пареньке был белый передник и белый чепец, тележка прикрыта белой скатёркой.

– Господа желают перекусить?

– Желают! – обрадовался Трай. – А что у тебя?

– Куриный бульон и колбаски в тесте.

– Давай!

Паренёк приподнял скатёрку, извлёк из-под неё две жестяные кружки с бульоном и две колбаски, вручил друзьям. Ардис удержать свою порцию в одной руке не смог, потому его колбаску паренёк-разносчик положил рядом на диване, заботливо подстелив салфетку:

– Кушайте на здоровье.

Трай хмыкнул – не иначе они тут все помешались на здоровье. Но бульон пах вкусно, булочка была свежей и тёплой, а кончик колбаски, выглядывающий из неё, казался таким румяным, что слюнки сами собой потекли.

– А если я добавку захочу, – поинтересовался он у разносчика, – можно взять будет?

– Можно, – кивнул тот. – Плати полмарки и бери.

– Полмарки?! – поразился Трай. – Это двенадцать форинтов за какую-то колбасу?!

– Полмарки стоит бульон, – снисходительно поправил его паренёк. – Колбаска в тесте стоит целую марку.

Трай и дар речи потерял. Паренёк постоял, подождал и, поняв, что добавку не возьмут, покатиł тележку к следующим менщикам.

– Не, ты только подумай! – наконец-то сумел выговорить Трай. – Серебряную марку за какую-то паршивую булку! Да у нас за неё неделю всей семьёй жить можно.

Он куснул поистине драгоценное угощение. Положим, булка была не паршивая, а очень даже вкусная, мясо – отборная свинина. Но не за такую же цену!

– Мы, бывало, и месяц на одну марку жили, – вздохнул Ардис. Отпил бульон, покосился на свою колбаску. Предложил: – Возьми и мою.

Трай удивлённо посмотрел на него. Ардис, отказывающийся от еды, от причитающейся по справедливости доли? Пожалуй, это было не менее удивительно, чем Ардис плачущий.

– Не выдумывай! Ешь, тебе поправляться надо.

– Оно в меня не лезет, хоть бы бульон досёрбать. Говорю же – худо мне. Эх, зря мы мену затеяли. Мож, мне лучше было беспальным остаться?

Трай нахмурился. Нытьё друга начинало раздражать. Захотелось плюнуть на уплаченные монеты, встать и идти к дирижаблю. Не хочешь, так не меняйся! Но ни встать, ни сказать что-нибудь резкое он не успел. Двери в дальнем конце залы отворились, впуская блюстителей

порядка в атласных красно-синих мундирах. Главный, с золотым эполетом на плече, сверился с какой-то бумагой и зычно гаркнул:

– Один-четыре-восемь – на выход!

Гул в зале разом стих. Однако никто не поднялся с дивана, и блюстителю пришлось повторить:

– Один-четыре-восемь, я сказал! Где вы там?

Ожидающие поглядывали друг на друга, некоторые, особо боязливые, сверялись с собственными жетонами. Но все молчали. Трай хмыкнул, поняв, что происходит. Шепнул другу:

– Слушай, какие-то дурни очередь проворонили.

Ардис не ответил, быстро отхлебнул бульон, опустил глаза. Наверное, из-за этого у Трая в голове щёлкнуло. Он лихорадочно попытался вспомнить собственный номер. Восьмёрка в конце точно была. Но ведь не могут так быстро вызвать? Они только пришли, а народ здесь давно ждёт. И Ламавин рассказывал...

– погоди, а у нас номер какой? Жетон у тебя?

Ардис нехотя кивнул. Здоровая рука у него была занята, чтобы достать из-за пазухи латунную бляшку, потребовалось сперва отставить бульон. Делал он всё это до чрезвычайности неторопливо. А блюститель уже сердился:

– Так что, один-четыре-восемь нет? И леший с ними. Тогда...

– Мы здесь! – вскочил Трай.

Головы всех присутствующих в зале дружно повернулись к нему. «Вот олухи», – отчётливо донеслось с ближайшего диванчика.

– Так чего сидите?! – сердито рыкнул блюститель. – Бегом ко мне!

Ардис наконец вынул жетон. Трай выхватил, глянул – смеху будет, если это не их номер! – на блестящей жёлтой кругляшке красовалось «148».

– Что ж ты молчал?! – возмутился. – Пошли скорее!

Когда они подбежали к блюстителю, тот даже замахнулся, готовясь отвесить подзатыльник глухим тетерям. И поделом – Трай наклонился, покорно подставляя шею. Но блюститель не ударил, хмыкнул в длинные обвислые усы:

– Хитрованы...

Почему они «хитрованы», Трай не понял, но переспрашивать не решился. Четверо блюстителей окружили их – двое спереди, двое сзади, – повели к двери.

Сначала Траю показалось, что они вышли на улицу, первый раз с той минуты, как были в Небесье: живая изгородь вдоль дорожки, зелёная трава на лужайке. Но едва задрал голову, как понял, что ошибся. Небо над ними было не голубым, а серебристо-белёсым. И туда, к этому «небу» вела лестница.

Ламавин не врал – ни разу в жизни Траю не доводилось видеть такую высокую лестницу. Если б не самодвижущиеся ступеньки, умаялись бы подниматься по ней. Далеко внизу остался скверик у Дворца Ожидания, и сам Дворец уплыл вниз, так что видна стала его двускатная крыша, покрытая не черепицей, не шифером, не кровельным железом, а чем-то совсем непонятным. И Госпиталь был виден сверху, и Дворец Прощений, и другие здания – громадные, белокаменные, – а они всё поднимались и поднимались. Ардису сделалось нехорошо, он постарался отодвинуться подальше от края, зажмурился, но всё равно было заметно, как у него дрожат колени. Траю страшно не было. Однако вместо того, чтобы любоваться небывалой картиной, развернувшейся внизу, думать о скорой встрече с Небожителями или на худой конец вспомнить, что спускаться обратно он будет в ином облике, все мысли отчего-то вертелись вокруг колбасной булки, что так и осталась лежать на диване. И все переживания о том, кто эту булку съест? Досадно, что не забрал её сразу, как Ардис предложил – вон, дорога какая долгая, успел бы дожевать!

Лестница оборвалась неожиданно, и Трай увидел, что стоит на круглой площадке, обнесённой невысокой мраморной балюстрадой. Хотя вряд ли это был мрамор – уж слишком ажурным выглядело ограждение. Но по балюстраде, по самой платформе, точно вырезанной из цельной глыбы неведомого минерала, по дыре в её середине с уходящими вниз лестницами, Трай лишь скользнул взглядом. Здесь было на что посмотреть! О проклятой булке он наконец забыл.

Платформа возвышалась в половину человеческого роста над круглой диковинной площадью. Диковинной оттого, что выложена она была серыми металлическими плитами. Стены приземистых одноэтажных строений, окружающих площадь, сделаны были из этого же металла. Ни окон, ни дверей в строениях не имелось, зато были проходы-улицы, пятиконечной звездой расходящиеся в разные стороны. Чуть далее возвышались другие строения, куда выше передних. Некоторые доходили до самого «неба» – перекрытия яруса. Если глядеть на них, то и впрямь начинало казаться, что не снаружи ты находишься, а внутри исполинского сооружения. Но ведь так оно и было, если разобраться?

Потом Трай перестал разглядывать это странное место. Потому что увидел Небожителя. Тот как раз вывел на площадь пару менщиков – сутулого парня и дядьку с плешью во всю голову. И парень, и дядька шли неуверенно, их пошатывало, вело в сторону, – видно, с непривычки к новым телам. Трай отметил это мимоходом и больше на них не смотрел. Тот, кто их сопровождал, выглядел куда интереснее!

Небожитель не пошёл к платформе, остановился на краю площади. Одет он был в длинную, ниже колен, хламиду поверх рубахи с рукавами, обут – в сандалии без задников и чулки, на голове – похожая на обруч корона со странным знаком. Зато какого цвета одежда, Трай не взялся бы утверждать. Она переливалась яркими сполохами, светилась изнутри, так что и удержать долго взгляд на фигуре этого... человека ли? – не получалось. С лицом творилось то же самое. Черты неуловимо менялись, будто укрытые марой, какая бывает жарким летним полднем над раскалёнными камнями.

Часть балюстрады прямо перед Траем начала наклоняться, как бы проворачиваясь вокруг оси, проходящей в том месте, где ограждение соприкасалось с террасой. Несколько секунд – и балюстрада превратилась в трап, ведущий на плиты площади.

– Чего остоленели, хитрованы? Топайте! – Вислоусый легонько подтолкнул сзади.

Трай отчего-то подумал, что блюстителям страшновато здесь, и они ждут не дождутся, когда можно будет убраться на свой ярус. Он осторожно ступил на ажурный трап. Казалось, каменная решётка слишком хрупка, чтобы выдержать вес человеческого тела, но хрупкость её была обманчивой. Ничего не скрипнуло, не треснуло, не шелохнулось под ногами, и Трай в два шага оказался на металлических плитах площади. Небожитель взмахнул рукой, приглашая за собой, повернулся, пошёл, ступая так легко и бесшумно, словно не касался подошвами земли. Парням ничего не оставалось, как поспешить следом.

Улица была коротенькой – двадцать шагов и упёрлась в серую стену. Зато слева и справа обнаружились проулки. Хотя нет, какие это проулки? Скорее тоннели или коридоры – металлические «дома», окружавшие площадь, оказались пристройками к огромному сооружению, внутрь которого и вводили «проулки». Теперь Трай понимал, отчего Ламавин не мог объяснить увиденное. На втором ярусе не было отдельных зданий. Вернее, весь он был одним огромным зданием и белёсое «небо»-перекрытие было его потолком. Ярус пустовал – во всяком случае, Трай не заметил ни единого человека, пока пересекали площадь-зал и шли по улицам-коридорам. Только в воздухе висел непрерывный, идущий со всех сторон гул, да где-то далеко время от времени лязгало, вздыхало и металлически щёлкало.

Небожитель свернул направо, и в тот же миг мостовая подхватила, понесла и его, и парней. Всякое сходство с улицей исчезло. Они двигались по длинному коридору с множеством одинаковых дверей, тоже металлических, как всё здесь. Над каждой дверью светился алый

фонарь и лишь над одной в самом конце коридора – зелёный. Трай был почти уверен, что именно к этой двери их ведут, и не ошибся. Мостовая замедлила движение, а едва они поравнялись с дверью, вовсе остановилась. Небожитель тронул рукоять, дверь отворилась. Отворилась не внутрь и не наружу, а будто сама собой задвинулась в стену.

За дверью была довольно просторная комната, разделённая надвое перегородкой в человеческий рост. На каждой половине стояла жёсткая кушетка с подголовником, другой мебели не было. Если не считать мебелью тумбы рядом с изголовьями кушеток с разложенными на них непонятными инструментами. Что надлежит делать, Трай знал без подсказок – не раз слышал от меняных. Потому сразу направился к кушетке, улёгся, не снимая башмаков. Ардис в сопровождении Небожителя покорно поплёлся за перегородку.

Лежать, таращась на серый потолок и такие же серые стены, было неинтересно, потому Трай перевернулся на бок, задрал голову, разглядывая инструменты Небожителей: золотую пластину, прикреплённую такой же золотой гибкой лентой к металлическому покрытию тумбы, да здоровенную друзу прозрачных зеленоватых кристаллов. На кристаллы Трай глянул мельком. В камнях он не разбирался, но вряд ли те были драгоценными, – не бывает драгоценных камней такого размера! Зато пластину изучил внимательно, даже руку протянул, чтобы коснуться, но в последний миг не решился. Судя по размеру, веса в ней было на десяток золотых марок. А ленточка такая тонкая, как не порвётся?

Небожитель закончил с Ардисом, вышел из-за перегородки. Трай поспешно перевернулся на спину, закрыл глаза. Сейчас ему на лоб прикрепят пластину, и... Однако вместо холода металла на лице он вдруг почувствовал, что его тронули за плечо.

– Эй ты, послушай!

Голос был вполне человеческим. Молодой, женский, вроде как знакомый. Трай удивлённо открыл глаза. Да, с ним в самом деле разговаривал Небожитель. Точнее, Небожительница – теперь он сообразил, что и телосложение у этого существа было женским: оттягивающая тогу высокая грудь, широкие бёдра.

– Где ты это взял?

В руках Небожительницы появился листок с портретом Трая. Тот самый, принадлежавший убитому рисовальщику. Трай удивился было, но тут же вспомнил: первую пачку листов, что ему принёс Ардис, он спрятал в сумку. А вот портрет Кветтины потерялся в драке. Жалко!

– Так где? – вновь спросила Небожительница.

Запираться было бессмысленно, когда идёшь на мену, всё тайное делается явным. Трай рассказал: об исчезновении Кветтины, о барине-рисовальщике, об их с Ардисом путешествии. О страшной находке, стычке с огрызками, увечье друга, которое и привело их в Небесье. Одно утаил – кем для него была Квета. Почему была?! Есть!

Небожительница выслушала, не перебивая, помолчала, потом уточнила:

– Так парень, что пришёл с тобой, – брат пропавшей девушки?

– Да.

– Хм, какое совпадение. Может получится забавно. – Небожительница небрежно уронила портрет Трая на пол, потянулась к золотой пластине на тумбе. – Всё, закрывай глаза. Сейчас твоя мечта осуществится.

В голосе её звучала явная ирония, но Трай не обратил внимания. Ему очень хотелось спросить... и он таки решился!

– Послушайте, госпожа Небожительница, мы и портрет Кветтины нашли. На нём стоял крест. Что это означает? Вы ведь знаете, это ведь вы послали в Наземье того человека!

– Да, жаль, что он безвозвратно утерян, талантливый был художник. А крест... какая тебе разница? Считай, что девушка свою порцию счастья получила.

Небожительница опустила пластину на лоб Трая. Пластина была немного выгнутой, улеглась плотно, вдавила в подголовник всей своей тяжестью. Металл лишь в первую секунду показался холодным.

– Спи на здоровье. – Пальцы Небожительницы в перчатках из тончайшей замши скользнули по лицу Трая. Перчатки были вполне обычными, только весьма искусно выделанными. – Пусть тебе снятся сладкие сны...

– Подождите! Что случилось с Кветой?!

Забывшись, Трай схватил женщину за запястье. Никому и в голову не приходило прикасаться к Небожителям, все и так знали с детства – светящаяся одежда не позволит этого сделать. Но Трай не вспомнил об этом, в голове помещалась одна мысль: он с самого начала был прав, следы Кветтины надо искать в Небесье!

Под пальцами негромко щёлкнуло. В тот же миг одежда Небожительницы перестала светиться, обрела чёткие очертания. И лицо... У Трая глаза на лоб полезли.

– Квета?!

Девушка поспешно выдернула руку, отпрянула. Струющаяся мара снова окутала её. Трай провалился в глубокий здоровый сон.

Глава 6. Великая княгиня

Его превосходительству генералу Барису Бед-Дуару, командующему княжьей стражей, главному хранителю порядка и спокойствия в державе, чьё имя отъявленные тати боялись произнести вслух и увидеть которого, пусть невзначай, хитрованы из хитрованных считали дурной приметой, сегодня исполнялось тридцать девять лет. Разумеется, день этот ничем не отличался от всех предыдущих и последующих – праздновать годовщину собственного тела было бы очевидной глупостью. Какая разница, в какой именно день тело, которое ты носишь сейчас, вышло из материнской утробы? И уж совсем глупо отмечать день рождения первого из ношенных тобой тел – особенно если его давно съели черви. Этот день даже в именных грамотах не указывали, только год – для учёта народонаселения державы и для особых нужд Небесья.

Однако для Бед-Дуара значение дня этого смысл пока не утратило. Потому что тело, которое он носил, было первым и единственным.

Те, кто думают, что обменять молодость, силу и здоровье на звонкую монету можно исключительно отправившись в Небесный Город, ошибаются. Мена может быть иной, медленной, постепенной, тянущейся год за годом и день за днём. Этот способ зовётся «княжья стража» и мало кому он годится. Потому как не только молодость, силу и здоровье могла забрать служба, но и саму жизнь.

Тысячу лет назад княжья стража была лучшим, отборным войском Тарусии. На службу сюда брали отпрысков благородных фамилий, генералами назначались братья и племянники великих князей. Те времена давно минули. Княжья стража осталась единственным войском державы, в благородных семьях больше не рождались дети, и те, кто хоть раз менял жизнь назад, слишком дорожили ею, чтобы рисковать. Теперь в стражники набирали парней из простонародья, тех, у кого к силе и ловкости прилагалась бесшабашная отвага и презрение к опасности. Тысячу лет назад такие уходили в лесные либо морские разбойники, поднимали бунты против властителей, бросали вызов устоявшемуся миропорядку и умирали молодыми в горячие сечи либо на виселице. Нынче они оберегали державу и потерявших счёт жизням сограждан от отчаявшихся огрызков, татей и прочей нечисти. Ибо более оберегать было некому.

Все родичи Бед-Дуара по отцовской линии несли княжью службу – отец, дед, дядья, двоюродные братья. Он сам отдал ей двадцать три года, почти вдвое больше, чем указано было в контракте, подписанном давным-давно безусым пареньком. Молодость осталась позади, друзья, с кем когда-то делил казарму, либо пустили заработанные монеты в оборот, стали торговцами, землевладельцами, хозяевами мануфактур и уже подумывали о мене, либо давно лежали в земле. Бед-Дуар оставлять службу не собирался. Силы и здоровья пока что хватало – разбойничьи стрелы и клинки обходили его стороной, сраженья и драки добавили опыта и мастерства, но не шрамов. Да и куда уходить, чем заняться? Бед-Дуар-торговец? Бед-Дуар-мануфактурщик? Один из сотен таких же – ведь благородного происхождения за монеты не купишь. Бед-Дуар, командующий стражей, был третьим человеком в державе после великокняжеской четы.

Но и не уходить на покой было опасно. Всего год назад предшественник Бед-Дуара скоропостижно скончался, вкусив несвежей свинины на дружеской вечеринке. Он был восьмым командиром на памяти Бед-Дуара, и лишь двое успели выйти в отставку и уехать подальше от стольного города, чтобы не мозолить глаза власть имущим. Должность генерала иногда опаснее должности рядового стражника. Пусть стрелы татей тебя не достанут, но придворные интриги будут наверняка. Ведь третий так близок к первому. И ко второй...

Бед-Дуар надеялся, что великий князь не узнал, насколько нынешний третий был близок к его супруге. Впрочем, тогда, пять лет назад, Бед-Дуар не был третьим – всего лишь старший офицер стражи, личный телохранитель великой княгини. Хранитель тела княгини... и не только хранитель. Бед-Дуар прекрасно сознавал, что для русоволосой синеглазой женщины,

об истинном возрасте которой лучше и не думать, он игрушка, сильный, по-настоящему молодой самец, способный добавить щепотку пряностей в становящуюся всё более пресной обыденность. Но для него их отношения не были игрой, не были обязанностью, пусть и приятной. Чем были – Бед-Дуар предпочитал не думать. Но когда игрушку заменили, он страдал. И обрадовался, когда вслед за тем княгиня заменила и собственный облик.

Ту мену княгиня приурочила к тысячелетию Небесного Города. Нынешнюю – к событию не менее значимому: своему восхождению на престол Тарусии. Не удивительно, что готовиться она к нему начала загодя – без малого за месяц. Ведь кроме того, что тело новое нужно подобрать, ещё и гардероб в соответствии с ним обновить следует.

Сегодня великая княгиня летела к Небожителям выбирать своё следующее обличье. Сама, без супруга – князь тоже собирался меняться к юбилею, но выбор как обычно доверил жене.

Чёрно-золотой «Венценосец» медленно приближался к Небесному Городу. Бед-Дуар стоял на мостике, вглядывался в сверкающую вечерними огнями друзу и ловил себя на крамольной мысли: когда-то еретик Веттрайя так же смотрел на Небесье. Каким он видел его, о чём думал? Видел наверняка иным – затаившимся, готовым продемонстрировать наглецам всю свою мощь. А думал...

За спиной прошуршала, отворяясь, дверь. Вошедший тихо прокашлялся:

– Ваше превосходительство, разрешите обратиться?

Бед-Дуар покосился через плечо. Востовой.

– Что там?

– Её величество желает вас видеть. Немедля.

Княгиня ждала его в своих покоях. Бед-Дуар прошёл сквозь залу для приёмов, гостиную, коротко кивнул вытянувшемуся во фрунт телохранителю, приоткрыл дверь спальни.

– Ваше величество, вы меня вызывали?

– Да, Барис, заходи.

Бед-Дуар шагнул в утопающую в полумраке комнату, притворил за собой дверь. Остановился:

– Что...

– Подойди ближе. Не кричать же мне.

Княгиня полулежала на широком и низком ложе, увенчанном балдахинном. Одеяло небрежно отброшено в сторону, две подушки подпирают спину, третья свалилась на пол, на мягкий панджвурский ковёр. Всей одежды – короткий полупрозрачный пеньюар, да и тот сбился, открывая левую ножку женщины значительно выше колена. Бед-Дуар деликатно отвёл взгляд. И тут же услышал смешок:

– Знаю, знаю, это тело тебе нравится меньше прежнего. Но ничего не поделаешь, я люблю разнообразие! Что там, скоро будем в Небесье?

– Через четверть часа, ваше величество.

– О, замечательно. Тебе приходилось бывать в Небесном Городе? – Бед-Дуар открыл рот, готовясь ответить, но княгиня остановила взмахом руки. – Конечно, как я могла забыть! Ты ведь сопровождал меня в прошлую мену. Бедный Барис! Как я тебя разочаровала тогда, верно? Но на этот раз нужно выбрать что-то особенное. Какой бы ты хотел меня видеть?

– Я буду счастлив видеть ваше величество в любом обличье. – Бед-Дуар поклонился.

– Будто бы! Ладно, пора одеваться. Будешь уходить – кликни служанок.

Она выпрямилась, опустила ноги на ковёр. От резкого этого движения пеньюар распахнулся, высвободив тяжёлую круглую грудь. Бед-Дуар поспешил поклониться, обернулся к двери.

– Постой! – окликнула княгиня. – Зачем я тебя звала? Ах да, ты будешь меня сопровождать.

Бед-Дуар подумал было возразить, что сопровождать повсюду правительницу – обязанность личного телохранителя, но никак не командующего. Не возразил, лишь поклонился ещё раз.

«Венценосец» пришвартовался в стороне от других дирижаблей. Для него выдвинули специальную башню, и лифт в ней поднимался, разумеется, не в залы прошений, где выставляли очереди простые наземцы. Для державных менщиков в Небесье имелся особый, Тронный Дворец. Бед-Дуару не довелось повидать легендарные дворцы правителей Аштвая, Панджвур, тем более императорские храмы Лунных Пределов. Но случись побиться с кем-нибудь об заклад, что Тронный Дворец Небесья превосходит их изысканной роскошью и красотой так же, как превосходил он великокняжеские чертоги, не колебался бы ни минуты.

Во дворце осталась только охрана – дюжина стражников. Охрана скорее символическая, так как проносить оружие в Небесный Город наземцам не разрешалось, и на каждого княжьего стражника приходилось пятеро местных блюстителей в полном вооружении. Сама княгиня задержалась здесь разве что на несколько минут – дожидаясь, пока подойдёт маршал Алеко. Лет семьсот назад темник степных нукеров намеревался положить конец правлению шахиншаха Аштвая. Но затем одумался, преклонил колени пред Небожителями и удачно променял трон в Хорузе на должность командующего небесными блюстителями. Что ж, этот бунтарь оказался куда разумнее и дальновиднее Веттрайи.

Маршал учтиво поклонился великой княгине, небрежно кивнул Бед-Дуару. Сделал приглашающий жест:

– Вас уже ждут. Прошу!

Комнатка, куда их провёл Алеко, походила на альков: мягкие кресла по углам, в середине – овальный столик с расставленными на нём изысканными напитками, сладостями, фруктами, на стенах – хрустальные бра, шёлковые шпалеры. Ещё бы окошко, выходящее на пруд с лебедями, и была бы полная идиллия.

Окошка в алькове не было. И сам альков – кабина лифта, ведущего с нижнего яруса прямоком на верхний.

– Налей мне весурского. – Княгиня опустилась в кресло, едва дверь кабины закрылась за маршалом. – У этих мерзавцев всегда самые лучшие вина.

Кабина двигалась так бесшумно и плавно, что жидкость в прозрачных графинах оставалась недвижимой. Зато она заметно задрожала в бокале, когда княгиня взяла его со стола. Да она нервничает! – понял Бед-Дуар. Прошлый раз, когда впервые поднимался в сердце Небесного Города, он тоже волновался, потому не обратил внимания на состояние госпожи. Но теперь было очевидно: великая княгиня Тарусии боится Небожителей как любой житель Наземья.

То, что кабина остановилась, Бед-Дуар понял, лишь когда дверь распахнулась. Их и правда ждали. Небожитель стоял, скрестив руки на груди. Высокий, статный. Тот самый, что встречал их прошлый раз, или иной? Не понять – Небожителя от макушки до пят укрывали зыбкие и вместе с тем несокрушимые эфирные доспехи.

Небожитель был тот самый – великая княгиня узнала его безошибочно:

– Ну здравствуй, Ге-Нали.

– Здравствуй, Бриана.

Не поклонился, не кивнул. Даже руку не протянул, чтобы помочь княгине выйти из кабинки-алькова. Впрочем, за руку его всё равно не удержишься – эфирная защита оттолкнёт.

Великая княгиня встала, опершись на подставленный Бед-Дуаром локоть, шагнула в дверь. Что за ней, как выглядят таинственные чертоги хозяев Небесного Города, Бед-Дуар видеть не мог: перед кабиной лифта была площадка шириной в дюжину футов, а за ней – стена, будто вырезанная из чёрного агата.

– Скажи псу, что он остаётся ждать тебя здесь, – потребовал Небожитель.

– Барис знаком с вашими правилами, он уже бывал здесь – прошлый раз. Ты разве не узнал его? Я думала, ты знаешь и помнишь всё. – Голос княгини звенел резче обычного. Но это было единственным, что выдавало её волнение.

– Какая мне нужда помнить твоих цепных псов? Ты их так часто меняешь! Хоть сама помнишь, сколько их было?

Небожитель развернулся, шагнул прямо в чёрную стену и... дверь кабины захлопнулась перед носом генерала. Бед-Дуар постоял минуту, стараясь услышать, что происходит снаружи. Тщетно, сквозь стены не проникало ни звука.

Стоять и далее было глупо. Он поудобнее устроился в кресле, придвинул вазу с фруктами. К сожалению, абрикосов среди них не было, пришлось взять персик. Бед-Дуар очень любил абрикосы.

Великая княгиня вернулась спустя три часа. На этот раз её сопровождал не Ге-Нали, другой Небожитель. Вернее, Небожительница – эфирная защита не могла скрыть пышную грудь и широкие бёдра. Бед-Дуар поспешно вскочил им навстречу, поклонился.

– Барис, ты не представляешь, что я сейчас видела! – Княгиня повелительно махнула рукой на графины. – Налей мне что-нибудь поскорее!

– Красного весурского?

– Да... нет, лучше милакийской паленки. Я устала. – Она опустилась в кресло, оглянулась на Небожительницу. – Этот ваш сад – почему бы не сделать и в нём самодвижущиеся дорожки?

– Так ты остановилась на чём-то? – вместо ответа поинтересовалась та. – Решила, кого берёшь?

Она вошла следом за княгиней в альков и теперь стояла возле стола. Бед-Дуар заколебался – не налить ли и ей вина? С другой стороны, пить она не сможет – эфирный шлем закрывает лицо.

– Да, выбрала. – Княгиня сделала добрый глоток паленки. Улыбнулась генералу. – Барис, ты всё ещё веришь в своих Светлых Богов? Хотел бы увидеть одну из них? Пожалуй, твоя мечта осуществима. И кто знает, возможно не только увидишь...

Небожительница вздрогнула:

– Нет! Это тело не для меня!

Княгиня удивлённо посмотрела на неё:

– Почему? Ге-Нали обещал, что я смогу получить любое, какое пожелаю.

– Вот любое и желай. Но не это!

– А я хочу это! Может быть, я всю жизнь ждала именно его. Мечтала почувствовать себя истинной владычицей, богиней! Ты нарочно отказываешь мне, да? Хочешь унижить? Ты отобрала у меня любимого мужчину, отобрала истинную власть, а теперь и мечту пытаешься отобрать? За что ты меня так ненавидишь, Ва-Лои?

– А что ты у меня отобрала, помнишь, великая княгиня Бриана? И что пыталась отобрать?

Властительница Небесного Города и властительница одной из крупнейших и сильнейших держав Наземья, женщины, границы власти которых трудно было представить, ссорились, словно портовые девки, не поделившие клиента. Бед-Дуар даже языком прищёлкнул от изумления. Впрочем, на него внимания никто не обращал, будто он и впрямь был бессловесным псом.

Княгиня зашипела. С размаху швырнула хрустальную рюмку об стену, только осколки брызнули.

– Думаешь, я ничего не могу, во всём от вашей с Ге-Нали милости завишу? Я не такая дура! Если я не вернусь с вашей лоханки, не только весь Княжград, весь мир узнает кое-какую тайну. Понятно?

Небожительница досадливо махнула рукой:

– Бриана, никто не собирается тебя унизить. Ты не понимаешь, что просишь... Хорошо, ты получишь эту мену. Но не даром, предупреждаю.

– Тебе мало золота привозят? Называй свою цену.

– Не спеши, мне нужно подумать. Посоветоваться с Ге-Нали.

– И сколько же вы думать собираетесь? Ещё тысячу лет?

– Неделя тебя устроит?

Княгиня ответила не сразу. Острые ноготки отбарабанили дробь по столешнице, розовый язычок облизнул губы.

– Налей! – Палец ткнул в графин с паленкой. Лишь после того, как Бед-Дуар наполнил новую рюмку, она кивнула нехотя. – Ладно, я подожду. Но если ты рассчитываешь, что я за неделю передумаю, то не надейся! Я хочу это тело!

Глава 7. Тайна

Трай открыл глаза и уставился на покоящуюся на подушке рядом с его лицом руку. Крепкие пальцы с чёрными волосинками, коротко обрезанные ногти с цвѣлыми пятнышками. Глазеть на чужую руку было неприятно, Трай попробовал отодвинуть её подальше. Рука вздрогнула, шевельнула пальцами, точно хотела схватить что-то. Нет, это он пытался ухватить её! Рука в точности повторяла его движения. Она принадлежала ему! Трай поспешно вытащил из-под одеяла вторую руку, левую. И эта такая же. Вдобавок, пальцы обрублены – на безымянном не хватало фаланги, на указательном и среднем – двух. Ранки успели поджечь, затягивались тонкой розовой кожей.

Трай вспомнил всё. Сел, уставился на себя. На нём была длинная ночная сорочка, так что лишь кисти рук и ноги видны – широкие в кости, мускулистые, волосатые. Но этого хватало, чтобы понять – он в теле Ардиса. Значит, мена состоялась? Парень быстро огляделся. Он сидел на кушетке: матрас, простыня, одеяло, подушка – как у богатых. Вдоль стены стояли ещё пять кушеток в ряд, пустые. В углу – платяной шкаф, рядом стол, два стула. Помещение совсем не походило на то, в котором он заснул. Тогда как он сюда попал? И куда это – «сюда»?

Окон в комнате не было, зато имелась дверь. Трай вскочил и как был босиком пошёл к выходу. Он и руку протянул, но дверь отворилась сама, заставив отпрянуть. В проѐме двери стоял лекарь. Не тот, что осматривал их с Ардисом, другой, на голову выше Трая-нынешнего, широкий в плечах, слегка тучноватый. Он больше смахивал на борца из балагана, а не на лекаря. Но одежда на нём была лекарская – бледно-голубой халат, такая же шапочка, трубка стетоскопа в кармане. И папка с бумагами в руках.

Лекарь посмотрел на Трая:

– Очухался? Замечательно.

– А-а-а... где я? – только и нашёл, что спросить тот.

– В Небесье, где же ещё? В Госпитале. Ты приболел немного, после мены такое случается изредка. Тем более у тебя вон пальцы...

Трай вновь взглянул на изуродованную левую руку. Правая тем временем сама собой потянулась к затылку, намереваясь его почесать. Прежде такой привычки у Трая не было.

– А где Ардис? – спросил он, сбитый с толку.

– Менщик твой? Дома давно наверняка. Ты же почти две недели у нас провалялся.

– Две недели?! А как же...

– Не беспокойся, – понял его невысказанный вопрос лекарь, – за лечение у нас платить не нужно. Но раз ты уже здоров – потрудись освободить место. Ты у нас из... – он открыл папку, сверился с записями, – Берестовья? Ваш дирижабль как раз сегодня через два часа отчаливает. Вещи в шкапе, одевайся. И грамоту твою я принёс.

Он вынул из папки именную грамоту, протянул Траю. Правда, его: «Трай Горник. Место рождения: Берестовье», и портрет приклеен с физиономией Ардиса... нет, не Ардиса, с его отныне физиономией. Нарисовано похоже, но далеко не так искусно, как те картинки, что он видел.

Трай кинулся к лекарю:

– Пойдите! В том месте, где меняются... в Зале Таинств! – там была девушка, моя невеста, Кветтина Бобырева.

Лекарь удивлённо глянул на него, засмеялся:

– Это тебе приснилось, парень!

– Не приснилось, я правда видел!

– Откуда там твоей невесте взяться, сам посуди? В Залы Таинств посторонним доступа нет. Исключительно ты и менщик твой там были.

– А госпожа Небожительница? Я понял – она была в облике Кветы! Конечно, как я сразу не догадался! Квета улетела в Небесье и поменялась с Небожительницей!

Лекарь захохотал пуще прежнего:

– Ты что такое городишь, парень? Небожителям мена не нужна! И как ты умудрился рассмотреть лицо Небожительницы сквозь эфирный шлем? Знаешь, сколько я живу в Небесье? Ты и представить не можешь! Я раз сто встречался с Небожителями, и ни разу, понимаешь, ни разу не видел, чтобы они снимали доспехи. И никто не видел! Так что, парень, мотай поскорее в своё Берестовье, ищи эту «невесту». Видно, позарез тебе её прелести потискать требуется, раз сны такие снятся!

Что тут возразишь? Трай рукой махнул с досады.

Одежда в шкапе принадлежала прежде Ардису и перешла к новому владельцу в довесок к телу: латанные-перелатанные штаны из некрашеного сукна, такая же рубаха, вдобавок с пятнами плохо отстиранной крови на животе и боку, башмаки, подошвы у которых не отваливались только если их крепко приматывать бечёвкой. А вот сумка была Траева – та, что он оставил у писца во Дворце Прошений. Имущество оказалось в сохранности, за исключением листов с портретами и грифельных палочек. Но эти вещи, если хорошенько рассудить, Траю и не принадлежали, так что винить за то, что их нет, некого.

В кармане у Ардиса нашлись двадцать форинтов – половина честно разделённого остатка монет. Как раз хватило на полкружки бульона да краюху хлеба без колбасы, и шесть форинтов Трай отложил на оплату проезда до Берестовья. Раз грамоту и вещи ему доставили прямо в палату, то во Дворец Прошений идти, толкаться в очередях надобности не было. Он перекусил, повалялся на зелёной лужайке за Госпиталем – ох и мягкая же у них тут трава! – а там и на посадку зазывать начали.

Однако четырнадцать из двадцати монет оказались потраченными зря. Это Трай осознал, едва дирижабль отчалил и принялся набирать скорость. Теперь он ощутил на себе всё, что испытывал его друг! Сосед по каюте, худосочный мужичок – на самом деле был он Траю ровесником, вмиг постаревшим на четверть века, – смотрел на него брезгливо. А когда Трая скрутило совсем, и он, не добежав до галюна, выплеснул на пол содержимое желудка, сосед и вовсе ринулся к бортовому, требуя перевести в другую каюту. Наверняка и монет не пожалел, так что остаток пути Трай провёл в одиночестве. Лишь бортовой заглянул пару раз, заставил проглотить полстакана воды с порошком, оказавшимся на вкус удивительно горьким.

Полюбоваться видами ещё разок не довелось. Еле хватило сил выбраться из гондолы и сползти по лестнице с причальной башни. А как сполз, так и упал прямо на траву под серым пыльным кустом акации. Кто б мог подумать, что Ардис окажется таким слабым к морской болезни! Прележал Трай до самого вечера. Только когда солнце закатилось за крыши домов на западной окраине, земля под ногами перестала качаться из стороны в сторону, и тошнота отпустила.

Первым делом он отправился на Грязную улицу: найти Ардиса, узнать новости, а главное – рассказать о Небожительнице и Кветтине. Как ни старался лекарь убедить, что эта встреча ему приснилась, Трай не поверил.

В хибаре Ардиса было тихо и пусто. Трай прошёлся вокруг двора, постоял напротив двери – заборов на Грязной улице отродясь не водилось, – окликнул приятеля несколько раз. Не получив ответа, зашёл внутрь – двери на Грязной улице тоже не запирали. В домишке и впрямь было убого до жути, пахло сыростью, плесенью и стариковским телом. Солнце почти село, в крохотные окошки свет попадал едва-едва, но и в полумраке помещение выглядело удручающе пустым. Трай не мог понять: на чём же они спали? Где ели? Лавки, стол, топчаны – где всё это? Голые стены, пол да потолок.

– Ты чего там бродишь? – донёлся снаружи старушечий голосок. – Не ищи, нет там ничего. Всё, что можно было, уже растащили. Разве что саму избу на дрова пустить.

Трай поспешил на голос, ожидая увидеть маму Ардиса и Кветтины. Но это была всего лишь соседка.

– Доброго вечера! – поприветствовал он её. – А где они все?

Старуха подслеповато прищурилась:

– Ард? Вернулся-таки...

– Нет, я Трай. Мы с Ардисом поменялись. Он давно ушёл? А мама его где?

Соседка снова оглядела его с головы до ног:

– Поменялись, говоришь? Тогда тебе лучше знать, где его леший носит. Сюда он не являлся ни в своём обличье, ни в чужом. Как сестра его пропала, так и он вскоре дёру дал. После этого старая Бобыриха слегла, да и не встала больше. Три дня, как схоронили. Так-то детки о мамке позаботились. И ради этого стоило двоих рожать?

Трай не слушал её, ошарашенный известием. Выходит, Ард пропал, как и Квета?! И мама их умерла... Выходит, никому они не помогли с этой меной? Наоборот, хуже сделали.

С Грязной Трай поспешил на Чистую улицу. Ламавин Пука оставался единственным, с кем он мог поделиться бедой. Дом бакалейщика высился тёмной громадой. Смерклось достаточно, чтобы в окрестных домах засветили лампы, но из окон Ламавина ни одного лучика не пробивалось. У Трая сердце нехорошо ёкнуло. Что если и этот его друг пропал? Взбежал на крыльцо, дёрнул шнурок звонка. За дверью протренькало, и опять тишина. Нет никого! Может, Ламавин в лавке? Там окна светятся вроде.

Не мешкая, Трай рванул вокруг дома, распахнул дверь лавки, влетел внутрь. Посетителей не было, два приказчика сидели за прилавками, что-то громко обсуждали. Замолкли, едва дверь хлопнула, уставились на пришельца. Смотрели они удивлённо и подозрительно. Ещё бы – не в таком рванье по лавкам Чистой улицы шататься.

– Тебе чего? – наконец поинтересовался один, на вид моложе.

– Мне... Ламавин здесь?

– Хозяина нет. Зачем он тебе понадобился?

– Я его друг. А где он, не подскажете?

Приказчики переглянулись недоверчиво. Мол, с каких пор удачники с безудачниками дружбу водят? Моложавый всё же прогундосил:

– Он нам не докладывает.

– Хоть придёт когда, знаете?

– Говорю – не докладывает!

– Если купить что хочешь, то покупай, – вступил в разговор второй, с аккуратной бородкой и масляными глазами. – А нет – гуляй своей дорогой. Не то сейчас выйду, свистну околоточного. Друг выискался!

Он и правда поднялся из-за прилавка, показывая, что его слова – не пустая угроза. Но тут тихо скрипнула и приоткрылась ведущая вглубь лавки дверь.

– Что там такое? – спросил женский голос.

– Какой-то оборванец хозяина спрашивает. Говорит, друг якобы.

Дверь приоткрылась шире, в залу заглянула Эдаль. Узнала:

– Ардис?

– Я не Ардис, я Трай. Мы поменялись.

Эдаль удивлённо приподняла бровь. Затем распахнула дверь настежь, отступила:

– Пройди сюда. Ламавин на обеде у исправника, вернётся не скоро. Мне расскажешь, что у тебя случилось.

Трай заколебался. С этой женщиной он был почти не знаком, рассказывать ей о случившемся на дороге и тем более в Небесье, не собирался. Но если Мави нет, у кого искать помощи? Не у Капошей же! Он пошёл за Эдалью.

Бакалейщица провела его в крохотную каморку, где кроме стула, конторки и заваленных бумагами полок и не было ничего.

– Садись и рассказывай. Всё по порядку с того дня, как вы ушли искать Кветтину, – приказала.

Трай опустился на стул и тут же спохватился – стул один, значит, женщине придётся стоять перед ним? Хотел вскочить, но Эдаль удержала:

– Сиди-сиди!

Поддёрнула короткое, до колен, платье и лихо взгромоздилась на подоконник. Трай подивился – разве такое пристало богатой госпоже? Невольно задержал взгляд на оголившихся ножках. Коленки у Эдали были округлые, голени чистые, стройные, без синих прожилок вен – как у молодой, – лодыжки узкие.

Заметив взгляд парня, женщина усмехнулась:

– Ноги мои можешь разглядывать, сколько угодно. Но при этом не забывай говорить.

Трай смутился, отвёл взгляд и принялся рассказывать. Подробно, ничего не пропуская, не утаивая – как собирался рассказать Ламавину. Когда дошёл до рассыпанных по лесу бумаг с портретами и перевёрнутой двуколки, Эдаль его прервала. Соскользнула с подоконника, тихонько прокралась к двери, прислушалась. Покачала головой:

– Что-то здесь многовато лишних ушей. Пойдём-ка в дом?

В дом так в дом, Трай не возражал. Он собирался вернуться в торговую залу и оттуда на улицу, но Эдаль повела другим путём – по тёмному коридору, через какой-то чулан, оказавшийся и не чуланом вовсе. А потом Трай сообразил, что они стоят под лестницей в доме Ламавина – вошли в заднюю дверь.

На середине лестницы Эдаль спохватилась:

– Ты же, наверное, голодный? Есть хочешь?

Трай хотел ответить, что потерпит, но живот опередил – громко заурчал. И парень осознал наконец, до чего проголодался. Если не считать булку, что всё одно выблевал, то и не знает, когда ел последний раз. Он быстро кивнул.

– Тогда не так поступим, – рассудила хозяйка. – Не обидишься, если я тебя в кухне приму? Чтоб еду далеко не носить.

Она, должно быть, шутила? Какая разница Траю, где его «примут», если и накормить обещают? В кухне оказалось даже лучше, потому как вся она была пропитана вкусными запахами. Эдаль поставила перед гостем кусок жареной свиной лопатки, пусть холодной, но всё равно вкусной, тусок с малосольными огурцами, положила полбулки пшеничного хлеба и лишь после этого присела напротив, приготовилась слушать.

Ламавин пришёл, когда от еды на столе ничего не осталось, а Трай рассказывал, как проснулся в лазарете. Друг был изрядно в подпитии и сразу полез обниматься:

– Трай, дружище, здорово! А ну дай гляну на тебя. Вылитый Ардис! Пальцы, пальцы покажи. Ух, ну и угораздило... Ничего, я тебя в лавку к себе возьму, вместо того прощелыги. Эдаль, не спорь, он точно ворюга! А вы чего на кухне сидите?

– Да успокойся ты! – одёрнула его компаньонка. – Послушай лучше, что у ребят случилось.

– И послушаю! Только в гостиную пойдёмте. Мы что, безудачники какие, чтоб на кухне ютиться? И вина прихвати!

В гостиную Эдаль увести парня позволила и вина принесла. Однако наливать отказалась, пока Ламавин не выслушает рассказ гостя до конца. Он выслушал, пожал плечами:

– Так приснилось, лекарь верно сказал. Когда меняются, и не то снится! А чего ты хотел – мозги у тебя теперича чужие. Между нами говоря – не самые лучшие. Не, Ардис другом хорошим был... но, знаешь, какая-то их порода бобыревская пакостная – что он, что сестрица его. Всё норовят к своей выгоде повернуть. Это ж додуматься надо – у друга удачу отобрать! Веришь, Трай, я бы с тобой так никогда не поступил. И Кветка туда же – как замуж выскочить на готовенькое, так она первая. А как узнала, что Эдаль свою законную часть получила, так губы дуть начала, видишь ли! Разве так годится?

Слушать гадости об Ардисе и Кветтине, тем паче за глаза, Траю было противно. Даже глядеть на Ламавина не хотелось, и он отвернулся. Пробормотал:

– Ничего Ард у меня не отбирал. И Квета тебе на шею не вешалась, сам к ней клинья подбивал.

– Защищаешь ещё... Сбежали они, и всех делов!

– Не сбежали! Я же тебе рассказывал – у Небожительницы тело Кветы было. Она наверняка знает...

– Да что ты ерунду заладил! Зачем Небожителям меняться? Они и так бессмертные. Не, привиделось тебе всё. – Ламавин повернулся к Эдали. – Ну и чего ты ждёшь? Наливай, я обещание выполнил, всё выслушал.

– Не всё, – покачала головой женщина. – Я тоже свою историю расскажу.

– Какую такую историю? Я и так всё о тебе знаю. Ты к нам в Берестовье с побережья приехала.

– С побережья. Только не приезжала я. – Эдаль ткнула себя пальцем в грудь. – И я не знаю, кому принадлежало это тело до меня.

– Хочешь сказать, ты поменялась с первой встречной, даже имени не спросила? – уставился на неё Ламавин.

– Нет, я вообще не видела её до меня. Я собиралась меняться совсем с другой женщиной.

Она замолчала. И Ламавин, и Трай молчали, переваривая услышанное. Наконец бакалейщик спросил:

– И дальше что было?

– Дальше я проснулась в Госпитале, как и Трай. Мне тоже сказали, что я приболела после меня. Но Трай домой вернулся, а со мной куда хуже поступили – посадили на дирижабль до вашего Берестовья, оплатили проезд и кормёжку, и будь здорова! Прилетела – в голове пусто, монет нет, что делать – не знаю. Побродила по городу, переночевала в какой-то избе заброшенной. На следующий день есть очень захотелось, я и зашла в бакалейную лавку узнать, не нужна ли служанка.

– Эт к Фальнару? – уточнил Ламавин.

– К нему. Он тогда сам в лавке сидел, на приказчиков не заработал. Глянул на меня, и глаза на лоб вылезли. Потом вскочил, говорит: «Полю мой! При мне!» Я вымыла, отчего не вымыть? Работа не тяжёлая, не то что сети латать. Фальнар глаз от меня не отрывал и всё похихатывал, как умалишённый. Я подумала, что у него с головой беда, хотела уйти, но он тут же мне серебряную марку дал. И плату хорошую за работу положил. Потом он знакомым обо мне порассказал. Начали к нему гости захаживать – да всё богатые, знатные. На меня глазают, словно я зверушка заморская: как я еду подаю, как за столом прислуживаю. А когда Фальнар узнал, что я грамоту и счёт знаю, он меня в лавку посадил торговать. Тут уж его дела в гору пошли. Ещё бы, вся знать здешняя бакалею в лавке Фальнара покупать стала. Сам градоначальник приезжал! А Фальнару всё мало, захотел, чтобы я спала с ним. Мол, щедро платить за это будет. Но я не шалашовка какая-то, я честная девушка. Он подумал-подумал и придумал, или из дружков кто надоумил – раз так спать с ним не хочу, то он согласен в жёны меня взять. Я не дура, сразу смекнула – знают они, чьё тело я доношиваю. И видно, что не из простых та женщина – кожа нежная, лицо ухоженное, тело не износилось почти. Допытывалась

у Фальнара, но он лишь посмеивался. Деваться мне некуда – без монет, без друзей, в чужом краю, да вдобавок непонятно в чьём теле, – я и согласилась замуж выйти. Но не просто так, а с уговором, на четыре года, и чтобы нажитое имущество пополам разделить. Думала, не пойдёт он на такое – где это видано с безродной девицей уговор подписывать. Но он согласился. Так-то!

Она вновь замолчала.

– А почему именно на четыре? – спросил Трай. Глупость, конечно, но рассказ Эдали ошеломил. Пожалуй, её история была куда таинственнее, чем их с Ардисом и Кветтиной.

Женщина взглянула на него, улыбнулась:

– Я подумала, что в двадцать лет самостоятельным человеком буду, ума наберусь. И число круглое.

Трай моргнул:

– Так тебе двадцать лет сейчас, если по-настоящему? Ты нас всего на год старше?

– А ты думал, я дюжину жизней разменяла? Я такая же беднячка по рождению, как и вы. И родители мои – безудачники.

Трай улыбнулся. Услышать, что Эдаль хоть и выглядит знатной дамой, но на самом деле такая же простая девушка как, скажем, Кветтина, было отчего-то приятно. Он больше не жалел, что рассказал ей обо всём. Теперь у него появился ещё один друг.

– И зачем ты всё это рассказала? – хмуро пробормотал Ламавин. О вине он уже не вспоминал.

– Затем, что не всё так правдиво и честно в Небесье, как нам обещают.

– Ты обличьем своим новым недовольна? Оно что, хуже того, которое ты хотела?

– Не хуже, наоборот, лучше и моложе. Но доплаты я никакой не получила – это во-первых. А во-вторых: раз тело другое подсунули, значит обманули. И Кветтину могли обмануть, и Ардиса. Что если их, как и меня, в дальние края отправили, чтобы обман скрыть? Мы думаем мена – это легли на кушетку по одну сторону от перегородки, заснули, а проснулись по другую. А может, всё совсем не так? Что на самом деле там с нами делают? Раз никто кроме Небожителей секрета мен не знает, то и проверить этого некому!

– Ты никак на самих Небожителей жаловаться надумала? – притворно засмеялся Ламавин. – Кому, интересно? Околоточному или сразу градоначальнику?

Эдаль его шутку не поддержала. Покачала головой:

– Градоначальник здесь не поможет, разве что у великого князя хватит власти с Небожителей спросить. Кто знает, может, они и ему всей правды не говорят?

– Где ж ты его сыщешь, великого князя? – вытаращился на неё Ламавин.

– Известно где, в Княжграде. Нужно ехать туда, добиваться аудиенции и рассказывать, как всё было. И я расскажу, и Трай.

– Во здорово! Эт что ж получается? Моя жена и мой лучший друг к великому князю с челобитной сунутся: «Нас Небожители обдурили!» Да вас в лучшем случае умалишёнными посчитают...

– А я тебе не жена, – жёстко оборвала Эдаль. – Если мы живём в одном доме, то это ещё ничего не означает.

Ламавин мгновенно смутился, покраснел:

– Да я чего ж... оно само как-то вырвалось. А к князю – эт да, верно. Если кто и может пособить, так только он.

Смущение приятеля окончательно убедило Трая – о женитьбе на Кветтине тот и думать забыл, наверняка спит и видит Эдаль у себя в постели. Интересно, каково это: знать, что твои губы целовали женщину, руки ласкали её, но ты сам можешь лишь мечтать об этом? Зато они с Ламавином больше не соперники. Эх, разыскать бы ещё Квету.

Переночевал Трай в доме у бакалейщиков. Утром за завтраком Ламавин сидел мрачный, то и дело прикладывался к кувшину с рассолом. Отмахнулся, когда разговор вернулся ко вчерашнему – мол, чего не сболтнёшь на пьяную голову. Но Эдаль была непреклонна:

– Не хочешь ехать – не надо. Мы с Траем вдвоём в Княжград отправляемся. Монеты из сейфа я заберу в уплату за мою долю. Остальное – дом, лавка – твоё. Так и разделим имущество. Торгуй своей бакалеей, а с меня хватит!

У Ламавина челюсть отвисла.

– Как эт – разделим? Не было у нас такого уговора...

– У нас с тобой никакого уговора не было. Теперь – будет.

Ламавин растерянно посмотрел на Трая, словно искал поддержки. Потом схватил кувшин с рассолом, глотнул от души, выдохнул, обтёр рукавом губы:

– Так вы что, и правда, к князю хотите? Ну... ладно, поехали. – Он покачал головой. – Ох, чую, не доведёт до добра нас эта поездочка!

Глава 8. Дорога

Дилижанс на Княжград из Берестовья ходил два раза в неделю. Были и проходящие – из Верхотурьева, из тех же Хлябей, – в которых часто оставались свободные места. Ещё можно было дожидаться четверга и лететь через Небесье – дирижабли в Княжград уходили оттуда пять раз за день, но этот путь друзья отмели сразу, хоть был он самым быстрым.

Выехать в тот же день не получилось. Это Трай – вольная птица, взмахнул крыльями и полетел куда глаза глядят. У людей состоятельных забот полон рот: искать, кто за домом присмотрит, кому из приказчиков лавку поручить. Много всяких разных дел, вроде и мелких, но неотложных – поездка в Княжград не близкая, неизвестно, насколько там задержаться доведётся. К тому же Эдаль повела Трая в лавку готовой одежды – покупать обновки, а то ходить по Княжграду в доставшемся по наследству рванье будет неловко. Это не Небесье, где всем плевать, во что ты одет и как выглядишь. Там уж коли ты наземец, то хоть как вырядись – наземцем останешься.

На обновки у Трая монет не было, он предложил подогнать что-нибудь из собственной одежки. Эдаль и слушать не захотела. Покупки оплатила из своего кошель, но и выбирала по своему вкусу: штаны, куртку, рубаху, башмаки, – даже гольфы и нашейную косынку! Хорошо, хоть кальсоны не заставила примерять у себя на глазах.

Зато на следующий день они отправились в путь спозаранку. Эдаль заранее подняла всех, чтоб успеть на верхотурьевский рейс. Она не ошиблась, места были, целое купе свободно. Эдаль закупила его полностью, хоть Ламавин и ворчал – полмарки на ветер выброшено! Ещё ему не нравилось, что с утра сеял мелкий, уже осенний дождик. Зря они так торопятся, в полдень ещё один проходящий дилижанс будет, а завтра и берестовский пойдёт. И непогоду переждали бы, и разместились со всеми удобствами, а не в хвосте, рядом с мотором. Эдаль возражала: «Дождик в дорогу – хорошая примета!» А Траю было без разницы – дождь, не дождь. Дорога на Княжград мощёная, не раскиснет, под крышу капли не залетают, рессоры у дилижанса новые, не укачивает, а мотор? – что ж мотор, стучит себе и стучит за стенкой. Ехать на мягком сиденье всегда сподручнее, чем пешком топтать.

Дилижансом Трай путешествовал впервые. Потому занял место у окна и начал разглядывать проплывающие вдоль дороги пейзажи – любимое его развлечение. Две недели назад он продельывал это путешествие по воздуху. Было интересно угадывать виденные места – что-то узнавал, что-то нет, в чём-то сомневался. Да и многое изменилось за две недели. Меньше стало зелёного цвета, больше жёлтого и серого, и багрянец кое-где добавился.

– Отчего так, – рассуждал за спиной Ламавин, – дирижабли в Небесье летают, а между городами – нет? Расстояние до Небесья и Княжграда одно и то же, почитай. Не тряслись бы на этой колымаге трое суток, а раз – и там! И дешевле вышло б, если без пересадок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.